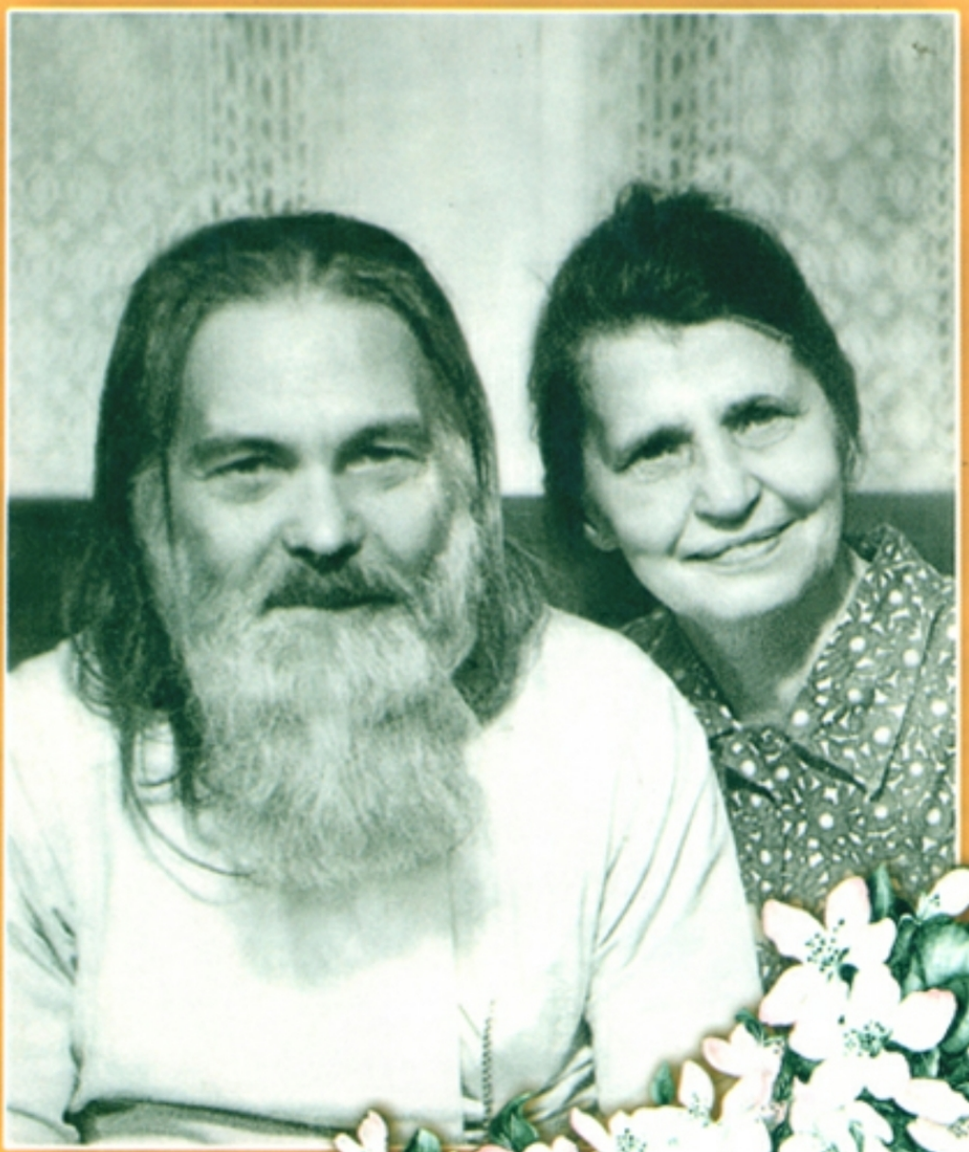
Ольга Пономарева
Елена Кибирева

Исповедник веры

протоиерей Григорий Пономарев

(†1914-1997 гг.)

ТОМ 1

ЖИЗНЬ ПОУЧЕНИЯ ТРУДЫ

12+

Елена Кибирева

Исповедник веры протоиерей Григорий Пономарев (1914-1997). Жизнь, поучения, труды. Том 1

«ЛитРес: Самиздат»

2007

Кибирева Е.

Исповедник веры протоиерей Григорий Пономарев (1914-1997). Жизнь, поучения, труды. Том 1 / Е. Кибирева — «ЛитРес: Самиздат», 2007

ISBN 978-5-532-04346-6

Книга «Исповедник веры... том 1» посвящена жизни и трудам Зауральского священника Григория Пономарева (1914-1997). В основу первого тома положены воспоминания Ольги Пономаревой о своём отце. Отец Григорий и матушка Нина прожили вместе 61 год и почили в один день, 25 октября 1997 года, явив пример истинно христианской кончины. Отец Григорий был репрессирован и отбыл в местах заключения на Севере более 16 лет. После освобождения служил в храмах Зауралья и явил множество чудес исповеднического служения Христу! Отец Григорий был тайным хранителем Царского Креста, переданного ныне на Ганину Яму.

ISBN 978-5-532-04346-6

© Кибирева Е., 2007
© ЛитРес: Самиздат, 2007

Содержание

«Для убеления к последнему времени…» 5
Светильник благочестия 7
«В глубине сердца, любящего Христа…» 8
От автора 10
По материалам следственного дела № 16527 13
Часть I. 1937 год – дело церковников 13
Политические репрессии 1937 года. Приказ № 00447 14
Арест отца Григория 16
Допросы и обвинительное заключение 20
Григорий Иванович Лобанов 24
Леонид Михайлович Коровин 28
Жалобы осужденных 31
Часть II. 1954 год – дело следователей 36
«По указанию прокурора Союза ССР…» 37
«Истреблены будут все поборники неправды» (Ис. 29; 20) 42
«За недоказанностью преступления…» 45
*** 50
Крест у дороги 52
Детство и юные годы отца Григория 54
Его Блаженству, Блаженнейшему Сергию, Митрополиту Московскому и Коломенскому 66
Спас Нерукотворный 70
Он и она 73
Он 73
Она 75
Голгофа. Годы заточения… 78
«Вера твоя спасла тебя…» (Мк. 10; 52) 79
В шахте 82
«Живый в помощи Вышнего»… Витек 85
«У Меня отмщение, Я воздам…» (Евр. 10; 30). Гроза в бараке 89
В бараке смертников 92
Малиновая поляна 95
Конец ознакомительного фрагмента. 99

«Для убеления к последнему времени…»

(Даниил 11; 35)

Буди ревнитель право живущим, и деяния их напиши на сердце своем, ибо тайну цареву прилично сохранять, дела же Божии полезно проповедовать.

Святитель Василий Великий.

Преосвященный МИХАИЛ, епископ Курганский и Шадринский.

Дорогие о Господе благочестивые читатели!

Перед вами новое издание книги *«Во Имя Твое…»*, расширенное и значительно дополненное.

Предыдущее издание книги, посвященной жизни и служению протоиерея Григория Пономарева и его супруги, было с большим воодушевлением принято православной общественностью. В апреле 2004 года авторы книги *«Во Имя Твое…»* Ольга Пономарева и Елена Кибирева по представлению Курганской и Шадринской епархии получили высокие награды от Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. *«Во внимание к трудам и празднику Святой Пасхи»* они были награждены медалями святого преподобного Сергия Радонежского I степени.

По мере накопления новых архивных данных о «красном терроре», который развернула советская власть против духовенства, в том числе и на Урале, были написаны новые главы этой книги «1934 год. Дело церковников» и «1957 год. Дело следователей», раскрывающие трагическую судьбу церковнослужителей в 30-е годы прошлого столетия. В книге впервые публикуются обвинительные заключения и протоколы допросов отца Григория в 1937-м и 1954-м годах, а также протоколы допросов следователей, «стряпавших» дела церковнослужителей. Свидетельства архивных документов позволяют более полно осветить период, предшествующий аресту, и события самого ареста невьянских православных священнослужителей. С документальной точностью в книге описана сатанинская «кухня» по фабрикованию лживых обвинений следователей НКВД.

Новые главы помогут боголюбивому читателю ясно представить и глубоко осознать, с каким христианским достоинством перенесли пастыри Церкви выпавшие им испытания, о

которых Господь предупреждал словами Священного Писания: *«Опустошат и расхитят имущество их, и из домов их изгонят их» (3 Езд. 16; 73)*.

На примере протоиерея Григория Пономарева мы убеждаемся, что арестованные священнослужители отчетливо понимали всю абсурдность возводимых на них обвинений и невозможность добиться от следователей хотя бы относительной объективности. Авторы книги Ольга Григорьевна Пономарева и Елена Александровна Кибирева приводят очень важные документы об этом исповедническом отрезке большого пути отца Григория.

Весной 2006 года в Екатеринбургской епархии причислен к лику местночтимых новомучеников и исповедников Российских протоиерей Сергий Увицкий (отец Нины Сергеевны Пономаревой), репрессированный в 1930 году по обвинению в проведении антисоветской пропаганды, погибший 12 марта 1932 года в концлагерях Беломорканала. Так словами пророка Даниила сбылось предсказание Божие: *«Пострадают некоторые и из разумных для испытания их, очищения и* ***для убеления к последнему времени****» (Дан. 11; 35)*.

В настоящее время в Курганской и Шадринской епархии ведется кропотливая работа по сбору материалов для прославления протоиерея Григория Александровича Пономарева (1914-1977 гг) как исповедника веры.

В новом издании книги *«Во Имя Твое…»* также более полно раскрыто время обучения отца Григория в ленинградских духовных школах и его напряженная интеллектуально-духовная работа в библиотеках города на Неве. Автор книги Елена Кибирева специально работала в библиотеке санкт-петербургских Духовных Семинарии и Академии, где по ходатайству Курганского епархиального управления сумела ознакомиться с личным делом студента заочного отделения Семинарии и Академии отца Григория Пономарева. Вниманию читателей предстанут также новые воспоминания Ольги Григорьевны Пономаревой, автора книги, о своих родителях и родных, а также о священнослужителях, с которыми отец Григорий служил в храмах уральской земли.

Надеюсь и верю, что внимательное чтение книги *«Во Имя Твое…»*, вышедшей во втором издании под новым названием «Исповедник веры протоиерей Григорий Пономарев 1914-1997 гг. Жизнь. Поучения. Труды», принесет немалую пользу всем, кто стремится постичь основы духовной жизни, узнать историю родной страны и историю Русской Православной Церкви.

Божие благословение да пребудет с авторами и читателями этой замечательной книги!

Светильник благочестия

(из предисловия к первому изданию)

Отец Григорий и матушка Нина прожили вместе 61 год и 2 дня и почили во Господе в один день, 25 октября 1997 года, явив своей смертью пример истинно христианской кончины.

Много есть на Руси «неугасаемых лампад», в которых вместо елея день и ночь горит любовь пастырей Христовых к Богу и ближним. Будучи однажды зажжены, они проносят полученную от Бога благодать через всю жизнь в окружении враждебного им мира в больших и шумных городах. Их можно назвать живой и благоугодной жертвой Богу.

Таким «светильником благочестия» явился протоиерей Григорий Пономарев, всею своею жизнью исполнявший заповеди Христовы и лучами своей любви осветивший зауральскую землю.

Отец Григорий послужил Богу и Православной Церкви более 60-ти лет: в юности алтарником и псаломщиком, позднее – священником. Отец Григорий стал исповедником, пройдя сталинские тюрьмы и лагеря. Шестнадцать лет провел он на Колыме, но сохранил в себе веру в Господа, любовь к Нему и бесконечную надежду на Его всесильную помощь и защиту. Всю свою жизнь отец Григорий посвятил служению Господу, прославлению Его Святого Имени, молитвенно помогая страждущим людям. Его любовь к Богу выражалась продолжительными богослужениями, непрестанной молитвой, ночными бдениями, внимательным изучением Священного Писания и святоотеческих творений и многими другими, одному лишь Господу известными подвигами. Свою любовь к ближним отец Григорий проявлял в делах духовного милосердия, указании народу воли Божией, объяснении духовным чадам истинной цели жизни христианина. Он обращал грешников на путь покаяния и исправления; укреплял малодушных в вере, утешал скорбящих спасительными советами.

Отец Григорий оставил нам неоценимое духовное наследие. Венцом и благодатным плодом добродетельной, богоугодной жизни отца Григория явились его замечательные советы духовным чадам: «Духовный дневник», «Сто вопросов и сто ответов на запросы христианской души», «Цветник духовный», «Правила христианской жизни», «Разъяснения: о Боге, о грехе, о диаволе», «Гуманизм христианской морали» и многие другие не напечатанные пока книги. Все они составлены на основе святоотеческих учений и дают исчерпывающие ответы на многочисленные вопросы, диктуемые христианину современной жизнью.

Читая и вникая в замечательные поучения отца Григория, осознаешь, что являешься причастным к великой тайне, обретая этим настоящее сокровище. Оттого что среди нас, грешных, жил человек такой высокой духовной жизни, каким являлся отец Григорий, становишься поистине счастливым и духовно богатым человеком.

Замечательные поучения отца Григория выверены всей его жизнью, прожитой в строгом соответствии с Христовыми заповедями. Они призваны помочь каждому человеку обрести правильные ориентиры на пути к спасению в современной, оскудевшей духоносными наставниками жизни.

Протоиерей Григорий Пономарев – истинный исповедник православной веры.

Благодать и милость Божия да пребудет на всех любящих и помнящих нашего замечательного пастыря и внимающих его назиданиям, дабы и нам войти в ту радость и свет, где он пребывает, молясь о нас, своих духовных чадах. Аминь.

+ Епископ МИХАИЛ

«В глубине сердца, любящего Христа…»

Уважаемые читатели!

Перед вами – книга «Исповедник веры…», посвященная жизни и трудам известного в Зауралье митрофорного протоиерея Григория Пономарева (1914-1997 гг.). Настоящее издание, в основу которого положена книга *«Во Имя Твое…»*, дополнено новыми архивными данными, собранными авторами Ольгой Григорьевной Пономаревой и Еленой Александровной Кибиревой за последние три года.

Протоиерей Аристарх Егошин

Отец Григорий был одним из представителей великого сонма исповедников веры XX века. В условиях жесточайшего гнета со стороны атеистической власти его исследовательская богословская мысль находила возможным вести полемику с официальной доктриной советской власти. Многие из нас помнят время, когда открыто проповедовать за пределами храма никто бы не позволил и когда многие православные верующие, а также ищущие Истину люди находились в состоянии скрытой оппозиции официальному безбожию. Ответственность священника за души пасомых требовательно призывала в те тревожные годы искать новые формы апологетической деятельности. Совсем недавно стало известно, какое богатое духовное наследие оставил нам отец Григорий. В центре его исследовательского внимания – душа человека, томящаяся от разделенности с Богом, или, наоборот, душа, просвещенная Христовым светом. Опираясь на широкие свидетельства, собранные на протяжении всей жизни, протоиерей Григорий Пономарев спокойно и убедительно раскрывает в своих трудах фанатическую суть безбожия. Мастерски использует он при этом тонкую иронию, сравнительный анализ и исторические свидетельства, которые по понятным причинам замалчивались официальной пропагандой.

Сам отец Григорий, пройдя испытания в огненном горниле, мог бы многое написать от себя о ценности человеческой жизни. Но он обращается к культурологическому пласту: его интересуют мнения и размышления богословов, философов, естествоиспытателей, писателей,

музыкантов, художников… Даже беглый взгляд на список переработанных и осмысленных отцом Григорием источников позволяет сделать вывод о напряженной внутренней интеллектуально-духовной работе священника.

Следует отметить, что всей своей исследовательской деятельностью протоиерей Григорий Пономарев свидетельствует: истинная, глубокая вера не только может, но и должна опираться на гуманитарную (в самом широком смысле) образованность личности. *«Исследуйте Писания,* – говорит Господь, – *ибо вы думаете чрез них иметь жизнь вечную; а они свидетельствуют о Мне» (Ин. 5; 39)*.

Слово Божие учит нас: *«Все Писание богодухновенно и полезно для научения, для обличения, для исправления, для наставления в праведности» (2 Тим. 3; 16)*. Высочайший авторитет для отца Григория имеют духовные записки аскетов и святых отцов – людей, которые на своем личном опыте испытали жизнь в Духе Святом. А это одна из проблем нашего времени: как соединить со своей личной жизнью знания о Боге, ставшие доступными современному человеку? Естественно, что Церковь Христова призывает нас к постоянному практическому применению богословских знаний, а не к отвлеченным размышлениям по причинам «житейских случаев». Московский митрополит Платон (Левшин), один из образованнейших людей своего времени, писал, что *истина, если она только произносится устами или только выражена словами, еще не есть то, что она в себе имеет наилучшего… Мало, чтобы она сияла только снаружи*. Знания основ духовной жизни не должны быть похожими на книжную ученость евангельских фарисеев и книжников.

Несомненно и то, что отец Григорий сам руководствовался словами святителя Игнатия Брянчанинова: *«Чтение святых отцов должно быть тщательное, внимательное и постоянное…»*, – и к этому духовному труду призывал батюшка своих духовных чад. Что же побуждало его к такой напряженной деятельности? Воспоминание о годах заключения или четкое осознание мимолетности и хрупкости человеческой жизни? Или желание помочь современнику услышать голос разума, сопричастного евангельским истинам? Бог весть… Вероятно, были и другие причины. Но сегодня мы по милости Божией имеем возможность прикоснуться к богатейшему духовному наследию – наследию, выстраданному и выношенному в самой глубине сердца, любящего Христа.

Протоиерей Аристарх Егошин

От автора

Сегодня я открываю дверь в прошлое – тяжелую, непробиваемую, недоступную для нас почти полвека. За ней материалы уголовного дела № 16527 – дела Пономарева Григория Александровича и еще десяти обвиняемых. По рассмотрению и приговору этого дела были искалечены судьбы одиннадцати человек, служивших и трудившихся в 1937-м году в храмах города Невьянска, поселков Верх-Нейвинск и Шурала Невьянского района Свердловской области. Искалечены были и жизни многих других людей, тесно связанных с осужденными семейными узами, совместным трудом во славу Христовой Церкви и просто глубокой человеческой дружбой.

Ольга Григорьевна Пономарева

Вот они – сухие строки допросов, доносов, описей, протоколов, жалоб, справок, «заданий-поручений» и прочих судебных документов, за которыми – жизнь и страдания многих людей, и в том числе судьба моей семьи – семьи Пономаревых: их боль, их кровоточащие сердца.

Архив НКВД – это страшное место. Тут ложь и правда сплетены, спаяны в такие тугие узлы, что нам никогда не распутать их в деталях. Мы совершенно не знаем изнаночной, тайной стороны в работе Комиссариата внутренних дел. Не знаем, как «создавались дела», не знаем механизма ложных доносов, ложных показаний, ложных признаний и т. д. Государственная машина тех лет все разрешала, все прикрывала и дозволяла для борьбы с инакомыслящими. Основная задача была оболгать, залепить грязью имена «врагов народа», в частности, священнослужителей, чтобы на десятки лет вперед (а желательно – никогда) их было не отмыть.

Но, коли разворошила этот гнойник, надо проявить душевную твердость и выдержать все. Господи, дай нам душевных сил и разума. Благослови наши труды!

Помогает только молитва. Приходя в государственный областной архив в Екатеринбурге знакомиться с материалами дела, каждый раз захожу в часовню святой великомученицы Екатерины. Читаю молитвы, ставлю свечи. Лишь после этого вхожу в здание архива – как на пытку. Тяжело. Невыносимо тяжело… Паутина лжи оплетает, опутывает каждый следствен-

ный документ, захлестывает тебя с головой. Ты почти тонешь в мертвяще-маслянистых нагромождениях неправды – где взять силы, чтобы прочитать все эти вымышленные, сфальсифицированные, «состряпанные» протоколы допросов – оговоры и шальные выдумки следователей УНКВД, ведущих дело священнослужителей Невьянска тогда, в 1937-м? Читаешь все подряд и, лишь добравшись до документов 1954 года, убеждаешься, что все осужденные по этому делу реабилитированы, а их мучители-следователи предстали перед судом и были признаны виновными в грубом нарушении государственной законности.

Обвинители приговорены к различным мерам наказания. Правда Божия восторжествовала, как и сказано в Библии ветхозаветным пророком: *«И страждущие более и более будут радоваться о Господе, потому что… будут истреблены все поборники неправды, которые запутывают человека в словах, и… расставляют сети, и отталкивают правого» (Ис. 29; 19-21).*

Часть осужденных по делу № 16527 была расстреляна еще в 1937 году. Кто-то, пройдя все пытки и ужасы ссылки, вернулся домой и еще долго служил во славу Божию в разных храмах страны. Служил тихо и жил молча, почти никогда не рассказывая о страданиях и угрозах, перенесенных во время ареста и на допросах. Претерпевшие молчали о многом. Однако тем, кто помнит о страшных репрессиях того времени и кого это горе коснулось непосредственно, очень важно знать, через *что* прошли и *что* претерпели их родные и близкие по духу люди.

Ольга Григорьевна Пономарева

***Смысл жизни христианской – стяжание Духа Божия, а это достигается при всяком деле, творимом* во Имя Господа нашего Иисуса Христа.**

Преподобный Серафим Саровский

Буду делать это ради Господа нашего Иисуса Христа – для стяжания Духа Божия.

Молитва перед началом каждого дела

По материалам следственного дела № 16527

Часть I. 1937 год – дело церковников

Кто отлучит нас от любви Божией: скорбь, или теснота, или гонение, или голод, или нагота, или опасность, или меч? За Тебя умерщвляют нас всякий день, считают нас за овец, обреченных на заклание. Но все сие преодолеваем силою Возлюбившего нас.

Рим. 8; 35-37

Политические репрессии 1937 года. Приказ № 00447

30 июля 1937 года Народный комиссариат внутренних дел СССР издал оперативный приказ № 00447, согласно которому по всей стране, началась еще одна, более жестокая, волна массовых репрессий против активных антисоветских и уголовных элементов.

Во исполнение злодейского приказа, в НКВД было сфабриковано дело о существовании в Москве Объединенного церковно-политического центра, который якобы возглавили митрополиты Сергий (Старогородцев) и Алексий (Симанский). В Свердловской епархии представителями Центра были, по определению оперативников: от григорьевской ориентации – митрополит Петр (Холмогорцев); от сергиевской ориентации – архиепископ Макарий (Звездов), а после его ареста – архиепископ Петр (Савельев).

Характерна докладная записка НКВД, «отражающая» деятельность Уральского повстанческого округа в 1937 году: *«По директиве Объединенного церковно-политического центра Уральская контрреволюционная организация церковников развила активную террористическую, диверсионную, шпионскую и повстанческую деятельность. Завербованный Холмогорцевым церковник Фролов привлек в организацию железнодорожников ст. Уктус, с помощью которых организовал несколько крушений поездов и подготовлял диверсии на момент войны. Другой участник организации церковник Мельников подготовлял взрыв одного из тоннелей на магистрали Свердловск – Казань. Церковник Мухин в диверсионных целях пытался приобрести взрыввещества. Священнику Петрову Савельев поручил создать террористическую группу для совершения теракта над Сталиным…*

Руководством контрреволюционной организации церковников на Урале был разработан подробный план совершения диверсий в случае военного столкновения СССР с капиталистическими державами…» (ГААОСО, ф. 1, оп. 1, д. 43, л. 55-58).

«Руководители церковного подполья, – читаем далее в записке, – *были тесно связаны с иностранными разведками и проводили активную шпионско-диверсионную деятельность. Холмогорцев являлся агентом германской, польской и финской разведок. Трубин* (митрополит обновленческой церкви – ***ред.***) *был завербован японцами и поляками, Савельев – немцами»*.

С целью разоблачения участников так называемой контрреволюционной повстанческой организации на Урале следователи УНКВД создавали вымышленные группы, якобы связанные с повстанческим штабом.

Волна новых массовых репрессий против духовенства и наиболее активных членов Церковных советов захлестнула Уральскую землю. В результате в 1937 году в Свердловской епархии было репрессировано и *«семь архиереев, около 154 священнослужителей (91 из них расстреляны), и не менее 500 мирян»*[1].

Следствия по сфальсифицированным делам, как показал на суде начальник следственной группы УНКВД Воскресенский, проводились провокационными методами. По словам другого оперуполномоченного УНКВД по Свердловской области, Солоновича, *«агентурных или каких-либо других материалов, которые бы подтверждали контрреволюционную деятельность арестованных лиц, в большинстве случаев не было… Основанием для ареста лиц, на которых не имелось компрометирующих материалов, являлось социально-чуждое происхождение… Повседневное проведение массовых операций и поступление в тюрьму каждую ночь вновь арестованных не представляло возможности при имеющемся составе следователей развернуть*

[1] Всего же в 1918-1944 гг. в Свердловской епархии репрессировано не менее 334 священнослужителей, из них расстреляно 146 человек (Протоиерей Валерий Лавринов В. Екатеринбургская епархия. События. Люди. Храмы. – Екатеринбург: Изд-во Екатеринбургского университета, 2001.

обстоятельное расследование в отношении каждого арестованного… Решающую роль играла камерная обработка…» (ГААОСО, ф. 1, оп. 2, д. 23140, л. 36-38).

Вот еще один документ из государственного архива УФСБ – показания начальника тюрьмы УНКВД по Свердловской области Талашманова:

«После оформления арестованные разводились по кабинетам следователей, где им предлагалось писать заявления о причастности к контрреволюционной организации. Заявления диктовались самим следователем или руководителем группы… После подписания заявления арестованные направлялись в камеру, а не подписавшие оставались на допросе или же отправлялись в камеру непризнавшихся. Из подписавших заявления, то есть признавшихся, более активных арестованных создавался "актив", который садили в камеру непризнавшихся… После обработки непризнавшиеся снова вызывались на допрос… После подписания их отправляли в камеру. Упорных оставляли в коридоре стоять до утра… С применением этого метода почти все без исключения подписывали протокол. Для "актива" каждый день давалось разрешение на свидание и передачу…» (ГААОСО, ф. 1, оп. 2, д. 23140, л. 165).

После 1938 года в Свердловской епархии не осталось ни одного епископа. Большинство духовенства было репрессировано, церкви разгромлены.

К началу Великой Отечественной войны в Свердловской области осталось всего 18 действующих храмов. В соседних областях к этому времени ситуация складывалась более трагично: в Пермской из 782 имевшихся церквей действовали всего шесть; в Челябинской при 270 закрытых храмах работал один[2]; в Курганской не действовала ни одна церковь.

Оперативный приказ НКВД за № 00447 вступил в силу 30 июля 1937 года, а уже через несколько дней волна массовых арестов духовенства *(«лиц социально чуждого происхождения»)* докатилась до Невьянского благочинного округа.

Одними из первых были арестованы священники Вознесенской кладбищенской церкви Григорий Иванович Лобанов и Леонид Михайлович Коровин…

[2] Протоиерей Лавринов В. Екатеринбургская епархия. События. Люди. Храмы. – Екатеринбург: Изд-во Екатеринбургского Университета, 2001.

Арест отца Григория

В мокром палисаднике хозяйничала осень. Холодными ночами и утренними заморозками она подбирала забытые ею разноцветные опавшие листья, сворачивая их в серые, скучные трубочки, гасила последние живые краски в пожухлой траве, постукивала ночами оторвавшимся на крыше железом, жалобно подпевала у печной заслонки, словно предупреждая: «Это только начало…»

Конец лета и осень 1937 года для молодой семьи Пономаревых выдались особенно напряженными. Сердце матушки Нины больно сжималось от тягостных предчувствий. События чередовались с такой быстротой, что трудно было реагировать на них адекватно. Радость и горе смешались вместе. С одной стороны – горечь по поводу повальных арестов близких людей, а с другой – рукоположение псаломщика Григория Пономарева в сан диакона. Ко всему пережитому добавилась новая радость: у молодой четы родилась дочка – их маленькая Леля. Ольга – семейное имя и Увицких, и Пономаревых, и теперь в роду появилась еще одна Ольга.

Волна арестов нарастала повсеместно. Вот уже черное крыло беды накрыло и Вознесенскую церковь в Невьянске. Арестовали и куда-то увели настоятеля храма, благочинного невьянских церквей протоиерея Григория Ивановича Лобанова и священника Леонида Михайловича Коровина. Увели Николая Ивановича Иванова – протодиакона этой же церкви, а вскоре пришли за казначеем храма Ведуновым Иваном Ивановичем и секретарем Церковного совета Уткиной Анной Васильевной.

Все понимали, что эти аресты не последние.

Недоверие и страх грозной тучей нависли над верующими. Члены Церковного совета и прихожане Вознесенского храма боялись поднять друг на друга глаза, боялись сказать лишнее слово…

И вот 30 октября 1937 года два оперуполномоченных УНКВД Кировского района вместе с понятыми пришли в дом диакона Вознесенского храма Григория Пономарева…

Грубые окрики, угрозы, требование заполнить анкету, обыск, опись изъятия…

– Одевайся… Пойдешь с нами.

– В чем меня обвиняют?

– Узнаешь, когда надо, – оскалился уполномоченный. – Разговорился тут! Ну, живо собирайся… – и с нахальной улыбочкой добавил: – Распишись, *что* изъято при обыске. У нас власть справедливая…

Григорию протянули протокол обыска.

Текст протокола сохранился в папках государственного областного архива, в деле № 16527.

Материалы государственного архива

Из протокола обыска
Пономарева Григория Александровича, 1937 г., 30 октября

Сотрудники Кировоградского районного отделения: Константинов, Петров, Кохряпов; понятые: Столяров Аркадий Михайлович

произвели обыск в квартире Пономарева Г. А.

При обыске обнаружено:

1) паспорт;

2) военный билет;

3) деньги в сумме 100 рублей;

4) часы карманные без номера;
5) часы карманные марки «Анкор»(неисправные);
6) фотоаппарат «Факор»;
7) две коробки фотопластинок (72 шт.);
8) разной переписки на одиннадцати листах;
9) тетради 9 штук.

Последнее, что видел и слышал отец Григорий, выходя из дома, – белое как мел лицо жены и… детский плач из бельевой корзины, служившей кроваткой их малышке.

В глазах Ниночки застыло страдание.

Все… Дверь в родной дом захлопнулась для него на многие годы, и он пока еще не знает, как долго будет лишен его тепла и уюта; не знает и того, сколько страданий, ужасов и потерь придется ему претерпеть в этом новом для него жизненном испытании.

Ведь ему было всего лишь 23 года!

А пока он шагает под конвоем двух «пролетариев» в разнопестром одеянии: наполовину штатском, наполовину военном. Они пытаются казаться значительными – так напыщены их физиономии. Как же – слуги закона! Он зябко ежится от холодных порывов ветра, от сырого осеннего воздуха, проникающего под старенькое, изношенное пальто. На нем чúненные-перечúненные ботинки – летние щиблеты, которые он, выходя под конвоем из дома, надел второпях.

Он идет, твердя Иисусову молитву.

Куда его ведут? Скорее всего, в КПЗ при УНКВД Кировоградского района города Невьянска. Здание НКВД стоит прямо напротив знаменитой наклонной башни демидовской постройки и Спасо-Преображенского собора, колокольня которого совсем недавно снесена. Священнослужители собора еще в 1918 году были зверски убиты большевиками.

А теперь арестован он, Григорий Пономарев…

Его привели к старинному зданию основательной, каменной кладки. Все окна зарешечены. Откуда-то слышен лай собак, очевидно, служебных.

Лязгнули многочисленные замки и затворы, и его без объяснения втолкнули в огромный полуподвал с низким выщербленным потолком. Помещение заполнено арестованными людьми. Горит какой-то изнуряющий, бьющий прямо по глазам, пронзительный свет. Этот свет потом еще долго будет мучить его в воспоминаниях и преследовать даже в сновидениях.

В глухом тюремном подвале с липкими, запотевшими стенами невыносимо душно. Отец Григорий оглянулся. Всюду, как ему показалось, – злобные, затравленные взгляды. На некоторых лицах – откровенное злорадство.

Кажется, из знакомых никого нет. Он-то думал, что увидит, быть может, своих из храма, кого увели раньше его, и ситуация хоть как-то прояснится. Среди невьянцев уже целый месяц ходила зловещая новость, что Лобанова и Коровина расстреляли…

Стараясь унять дрожь, отец Григорий приткнулся где-то у стены. Что всего ужаснее, – каждый, кто оказался здесь, был замкнут на своей личной беде и переживал только за себя! Это первое, что было понятно, глядя на человека. Ты никому не нужен в этом кругу несчастных людей, оглушенных собственным горем, и никому нет до тебя никакого дела. Если к тебе подойдут и ударят и если даже будут убивать, никто из сокамерников не шелохнется. В таком скопище людей, где одновременно томятся самые отпетые преступники и совершенно безвинные страдальцы, отстраненность и самоизоляция от всего происходящего в камере – это способ защитить себя. Каждый, кто попада́л сюда, как улитка сжимался в своей раковине. Позднее батюшка еще много раз будет сталкиваться с таким поведением людей и в лагере, и на воле.

«Господи, помоги и не оставь меня, грешного!..»

Он потерял ощущение реального времени. Часы, проведенные в подвале НКВД, казались ему вечностью. Он страдал как за свою семью, так и за собратьев по алтарю и членов Церковного совета, арестованных почти одновременно с ним. Его драные летние ботинки, застывшие от холода, издавали громкий стук при ходьбе по чугунным плитам камеры.

Но вот что-то новое! К нему, явно к нему, пробивается какой-то помятый субъект с крысиной физиономией. У субъекта – маленькие, бегающие глазки.

– Ты ведь Пономарев? Григорий? Из кладбищенской церквы?..

– ???

– Я-то по другому делу тут, но знаю, что ваших тут мно-о-о-го, – как-то нарочито протянул он. – Они в разных камерах. Признались уже все…

– В чем признались-то? И от меня тебе что надо?

– Так ведь… если запираться будешь и не признаешься, то убьют твоих-то. Бабу и девчонку… – крысиный субъект сделал какое-то отвратительное движение по горлу.

– Убьют их… Найдут и убьют. Тагил – не Китай… – и вновь это жуткое движение по горлу и омерзительный то ли смех, то ли икание.

«Слава Тебе, Господи! Как хорошо, что Ниночка с дочуркой успели уехать в Нижний Тагил!»

Неосознанно, но эта «подсадная утка»-провокатор дал хоть какую-то информацию о родных.

«Да, конечно, Тагил – не Китай, – думал отец Григорий, – и если надо, то и в Тагиле найдут. Но главное, что они, мои родные, живы».

День сменялся ночью, ночь – днем. Ничего пока не происходило, если не считать, что еще дважды приходил этот лысый с крысиной мордой и каждый раз рассказывал, какие ужасы следователи проделывают с родными арестованных, которые не признаются и не подписывают следовательские протоколы…

– Попы твои всё подписали. Они давно на свободе и водку трескают…

От крысиных глазок стукача невозможно было укрыться. Он, как настырная навозная муха, все время что-то жужжал отцу Григорию в ухо; из его прокуренного рта несло отвратительным смрадом…

Допросы и обвинительное заключение

Сети нечестивых окружили меня, но я не забывал закона Твоего.
Пс. 118; 61

Как-то вечером отец Григорий, сидя на камерных нарах, в который раз с тревогой задумался о судьбе своих близких и родных. Он уже прошептал наизусть вечернее правило, как вдруг его вызвали на допрос. Продержав задержанного Пономарева две недели в подвале, следователь РОНКВД Чепарухин решил наконец допросить и его. Собственно, допрос – это названо очень условно. В протоколе следователь сам напишет все, что необходимо для «нужного хода дела», а Пономарев… Главное – сломать его любой ценой.

Допрос происходил в зарешеченной комнате.

На допрашиваемого направляли огромный рефлектор, слепящий глаза, в то время как самого следователя не было видно, лишь слышался откуда-то из угла комнаты его леденящий голос.

Допрос велся непрерывно с 10 часов утра до 5 вечера, а затем с 8 часов вечера до 3 ночи. При этом арестованному не разрешали не только присесть, но даже подержаться за спинку стула…

После выяснения формальных анкетных данных следователь стал задавать отцу Григорию вопросы про какую-то монархическую фашистскую организацию, в которой он, Пономарев, якобы состоял, а впоследствии был ее руководителем. Но позднее руководителем «оказался» уже не он, а настоятель Вознесенской церкви протоиерей Григорий Лобанов, а Пономарев, завербованный фашистской кликой церковников, – всего лишь несчастный исполнитель диверсионных акций и прочее.

«Какие фашисты? Да это настоящий бред… – думал отец Григорий. – Или какая-то актерская игра». Но следователю было не до шуток. Его вопросы звучали так чеканно, что казалось, будто он специально репетировал свою речь и все вопросы и ответы на них знал заранее. Всё происходило как в дурном сне или в шпионских кинофильмах!

День клонился к вечеру. Допрос отца Григория, который начался с вечера, продолжался всю ночь и бóльшую половину следующего дня.

Огромный рефлектор – «помощник следователей» – неумолимо лупил прямо по глазам. За все время допроса отцу Григорию не разрешили даже присесть, и он недоумевал, как еще держится на ногах.

Вопросы следователя летели один за другим:

– Знаете ли вы Лобанова, Коровина, Иванова? Являлись ли они участниками контрреволюционной организации?

– Они никогда ничего не высказывали против советской власти и коммунистической партии, – твердым голосом ответил отец Григорий.

Но следователь, даже не дослушав ответ, снова задал вопрос:

– Расскажите, что вам известно о проводимой ими агитационной деятельности против советской власти?

– Проводили ли они какую-то антисоветскую деятельность, мне совершенно неизвестно…

За ночь следователь неоднократно отлучался. Видимо, отдыхал. А арестованному Пономареву охрана все это время запрещала даже прислониться к стоящему рядом с ним стулу. Отец Григорий давно не чувствовал своих больных ног, одеревеневших за ночь, а утром допрос продолжился снова, теперь уже *«с пристрастием»*, как признавались позднее сами следователи…

Ночные допросы продолжались с завидным постоянством и по накатанному сценарию. Уполномоченный силился вырвать у отца Григория признание в контрреволюционной монархической деятельности, в побуждении населения к открытому выступлению против советской власти и восстановлению капиталистического строя в России. Следователь расставляет, как ему кажется, ловкие сети, в которые должен угодить Пономарев. То он, Пономарев, – руководитель подпольной фашистской организации «церковников» с целой программой террористической деятельности, вариантами агитации населения и прочее. То он же, Пономарев, – несчастная жертва *лукавых церковников*, пытающихся затащить юное, несозревшее существо в свои коварные сети…

Уже позднее, в ноябре 1954 года, на допросе, вызванном пересмотром дела, он скажет: *«Те показания, которые были внесены в протокол допроса на следствии 1937 года, являются неправильными. Они были написаны допрашивающим меня сотрудником НКВД. На допросе в 1937 году я так же, как и сейчас, правдиво показывал, что мне совершенно неизвестно, проводили ли Лобанов и другие антиреволюционную пропаганду. Однако, несмотря на это, допрашивающий меня сотрудник прокуратуры не записывал, что я говорил…*

На допросе в 1937 году меня спросили: знаю ли я Лобанова, Коровина, Иванова? Я не мог это отрицать, поскольку мы служили в одной церкви…

Допрос начинался в конце дня и заканчивался только на следующий день. В течение всего периода мне не разрешали садиться. Я все время стоял на ногах. Допрашивающий со мной обращался очень грубо, всячески угрожал…» (из документов областного гос. архива – ***авт.***).

И еще один фрагмент из допроса отца Григория в 1954 году: *«…Я повторяю, что лично я ни в какой организации не состоял и никакой антисоветской деятельности не проводил. Мне не известно о проведении ее Лобановым, Ивановым, Коровиным. То, что записано в протоколе от 15 ноября 1937 года, я не подтверждаю и не могу подтвердить, поскольку это было записано не с моих слов…»* (из документов гос. архива – ***авт.***).

Следствие по делу в 1937-м году идет полным ходом. Арестованных допрашивают одного за другим, снимая, а вернее, записывая, на усмотрение следователей, «нужные» показания – так легче обвинить «церковников» в предательстве друг друга.

– Читай, – Чепарухин сует допрашиваемому им Пономареву какую-то бумажку – очевидно, чьи-то так называемые *показания,* и, не дождавшись ответной реакции, следователь зачитывает вслух:

– «…О принадлежности к контрреволюционной церковной повстанческой организации, мною возглавляемой в г. Невьянске, и лично мною вовлеченным является, при нужном для нас воспитании со стороны отца (священника), псаломщик Пономарев Григорий Александрович. Будучи вовлеченным в организацию, на протяжении непродолжительного срока пребывания в составе контрреволюционной организации по заданию руководителя Лобанова Г. И. проводил под видом религиозных бесед о душе и загробной жизни контрреволюционную агитацию. Посещал квартиру Лобанова, участвовал в сборищах…» (из документов областного гос. архива – ***авт.)***.

Образ Григория Ивановича Лобанова, настоятеля той церкви, в которой служил и он, диакон Пономарев, незримо предстал перед его взором.

Лобанова арестовали первым из числа служителей Вознесенского храма; его обвиняли в организации фашистского подполья, в которое он якобы втянул Пономарева и всех членов Церковного совета. Но отец Григорий был уверен, что Лобанов – честный и глубоко порядочный человек. Именно он, отец настоятель, рекомендовал псаломщика Григория Пономарева для посвящения в сан диакона, и именно он, протоиерей Григорий Лобанов, венчал их с Ниночкой перед престолом Божиим в Вознесенской церкви 23 октября 1936 года.

А теперь следователи заставляют его дать на Лобанова признательные показания. Зачем? Ведь Лобанова и Коровина расстреляли месяц назад! Но сатанинская паутина опутывала людей

с таким расчетом, чтобы они никогда не смогли отмыться от ложных обвинений в предательстве.

– Расскажите, какие вам давали задания?.. – вопрос следователя вывел его из состояния задумчивости. – О чем вы говорили в агитационных беседах с населением?

Отец Григорий тяжелым взглядом окинул оперуполномоченного. Он недоумевал: зачем следователь тратит столько времени и сил, задавая какие-то вопросы, ведь все равно в протоколе он напишет то, что Пономарев никогда не говорил?

Допрос длится уже более 12 часов, но вопросы повторяются практически одни и те же… Физические силы отца Григория тают. Условия содержания заключенных в подвалах НКВД не связаны с каким-то человеческим состраданием. К тому же отец Григорий сильно простужен и его постоянно сотрясает озноб. У него явно высокая температура, но это никого не интересует, и только нервное напряжение не дает ему свалиться с ног прямо на допросе. Он почти не слышит вопросов, его беспокоят мучительные мысли о членах Церковного совета, о которых его постоянно допрашивают, требуя наговоров. Как они там? Держатся ли? К тому же следователь сообщает, что все они давно уже дали на него, Пономарева, признательные показания.

– А ты чего медлишь? – язвительно вкручивает уполномоченный.

Но отец Григорий молчит… Он помнит слова, подчеркнутые в маленьком Евангелии архимандрита Ардалиона как будто специально для него: *«Если духом умерщвляете дела плотские, то живы будете… Потому что вы не приняли духа рабства» (Рим. 8; 13, 15).*

Материалы государственного архива

Обвинительное заключение от 14 ноября 1937 г.

Оперуполномоченный Кировоградского райотдела УНКВД Сапожников, рассмотрев 14 ноября 1937 года следственное дело по обвинению группы церковников и служителей культа:

1) Тамакулова… 2) Горбунова… 3) Пономарева Григория Александровича, 1914 года, урожденного г. Шадринска Челябинской области, по социальному положению сын служителя культа, сам служитель культа, проживает в г. Невьянске; 4) Кулакова… 5) Кирилова… 6) Морозова… 7) Мохова… 8) Бревенникова… 9) Комарова… 10) Заева… 11) Арапова…,

установил следующее: в Кировоградском районе существовала контрреволюционная фашистская повстанческая организация церковников, созданная Лобановым Г. И. по заданию одного из руководителей повстанческого штаба Уральской области епископа Савельева. Организация ставила своей целью свержение советской власти и восстановление капиталистического строя в России.

Все обвиняемые по делу 11 человек являются активными участниками данной организации. Практическая деятельность ее заключалась в следующем: в целях подготовки населения к открытому вооруженному восстанию группой велась контрреволюционная пропаганда клеветнического и пораженческого характера. Проводились нелегальные собрания с проработкой литературы. Проводилась подготовка к использованию контрреволюционной организации в предстоящей избирательной кампании по выборам в Верховный Совет Союза ССР и перевыборам в местные советы. Намечались кандидатуры в местные власти. Отдельные участники вели контрреволюционную, вредительскую деятельность с целью подрыва экономической мощи государства.

Допрошенные в качестве обвиняемых участники организации виновными себя признали, а потому постановил: следственное дело по обвинению Тамакулова.., Горбунова.., Пономарева Г. А., Кулакова.., Кирилова.., Морозова.., Мохова.., Бревенникова.., Комарова.., Заева.., Арапова… направить на рассмотрение тройки УНКВД по Свердловской области.

Уполномоченный УНКВД Сапожников.

«Согласен» *– начальник Кировоградского райотдела УНКВД Бахарев, 14 ноября 1937 г.*

Дата последнего допроса отца Григория, согласно документам архива, – 15 ноября 1937 года, однако обвинительное заключение *«по обвинению группы церковников и служителей культа»* было вынесено накануне, 14 ноября. А через три дня диакона Вознесенской церкви отправили в Свердловск, где на основании обвинительного заключения (от 14 ноября 1937 года) тройки УНКВД по Свердловской области Пономареву Григорию Александровичу вынесли обвинение.

Из протокола обвинения от 21 ноября 1937 года, подписанного уполномоченным Калугиным, следует: *«…обвиняется в том, что является руководящим участником ликвидированной фашистско-повстанческой организации церковников на Урале. Используя церковную трибуну среди населения, вел махровую контрреволюционную пропаганду, направленную против политики Партии и Советской власти. Неоднократно высказывал повстанческие и пораженческие мысли.*

Постановили: Пономарева Григория Александровича заключить в исправительно-трудовой лагерь сроком на десять лет, считая срок с 30/X-1937 г.» (из документов областного гос. архива – ***авт.***).

Григорий Иванович Лобанов

«Реабилитирован посмертно…»

По мере знакомства с материалами областного архива по делу № 16527 и по мере изучения анкетных данных каждого из арестованных становится очевидным следующее: вся обвиняемая группа «церковников» (а их в конечном итоге насчитывается значительно более одиннадцати человек) уже заранее была разделена на определенные категории. Об этом говорят следственные материалы каждого из обвиняемых, которые позднее выделили в отдельные делопроизводства. Среди многих других были выделены и дела священнослужителей Вознесенской церкви: настоятеля – протоиерея Григория Ивановича Лобанова; протоиерея Леонида Михайловича Коровина и протодиакона этого же храма Николая Ивановича Иванова. Выделено было и дело епископа Петра (Савельева), обвиняемого в руководстве *«повстанческим штабом церковников Уральской области»*.

Эти люди, как следует из документов следователей, проходили по так называемой «первой категории» обвинения. В отдельных показаниях их фамилии сопровождаются зашифрованными пометками: «категория 1, задание 3».

Другая группа людей – это те 11 человек, с которыми проходил по одному списку отец Григорий: алтарники, псаломщики, пономари, члены Церковных советов приходов и наиболее активные прихожане уральских православных храмов. Многих из них, как выяснилось из показаний отца Григория на допросе в 1954 году, он совершенно не знал. Все они – молодые и здоровые: Пономареву – 23 года, Тамакулову – 20 лет, Кулакову – 23 года и т. д. Они, конечно, могли еще пригодиться советскому государству в качестве бесплатной рабочей силы в шахтах и на лесоповалах Крайнего Севера и Дальнего Востока. Вот они – готовые рабочие кадры, бесправные на все годы заключения.

Арестованные, отнесенные к «первой категории» и обвиняемые в организации контрреволюционного движения, – это церковное духовенство: бывшие благочинные церквей, настоятели храмов и духовники приходов. Именно на них— *«род избранный, царственное священство» (1 Пет. 2; 9)* – с особой жестокостью и беспощадностью ополчились духи злобы поднебесной. Почти весь этот *род избранный* был обречен…

В дело каждого обвиняемого, отнесенного к разряду «категория 1, задание 3», после вынесения приговора подшивалась небольшая справка розового цвета, в которую было кратко вписано: «Приговорен к В. М. Н.».

То есть: к высшей мере наказания – расстрелу.

Среди заключенных, приговоренных к высшей мере наказания, оказался и благочинный невьянских церквей протоиерей Григорий Иванович Лобанов – один из самых видных духовных лидеров города, настоятель кладбищенского Вознесенского храма. Именно его, старого, немощного человека, втравленного в следовательские интриги, отцу Григорию было особенно жалко.

Григорий Иванович Лобанов хорошо знал семью потомственных священников Пономаревых и рекомендовал в свое время псаломщика Григория Пономарева к рукоположению во диаконы. Знал он и о трагической судьбе архимандрита Ардалиона и усердно молился за него. А 23 октября 1936 года под сводами Вознесенского храма протоиерей Григорий Лобанов в сослужении протодиакона Николая Иванова обвенчал диакона церкви Григория Пономарева и певчую хора Ниночку Увицкую.

Отец Григорий и матушка Нина были обязаны Григорию Ивановичу многим, они всю жизнь молились об упокоении его православной души.

Григорий Лобанов был из крестьян-середняков, священник в первом поколении. Получив педагогическое образование, в возрасте 28 лет, женившись на учительнице, он принял сан

и стал священником. Сразу после революции он эвакуировался вместе с отходившими колчаковскими войсками в русско-китайский город Харбин, где ему пришлось очень тяжело.

Одно время Григорий Иванович трудился в швейной мастерской Харбина и подрабатывал учителем начальной школы. А немного позднее был принят в харбинский Никольский храм. Через несколько лет отец Григорий смог выехать в Россию за семьей. Документы позволяли ему вернуться вместе с семейством в Китай, но такой возможностью он по каким-то причинам не воспользовался, оставшись в Свердловске.

Служа в разных храмах епархии, отцу Григорию Лобанову снова, по примеру праведного Симеона Верхотурского, приходилось заниматься шитьем верхнего платья, чтобы хоть как-то выжить.

Уже после страшных событий 37-го года, когда стало известно о горькой судьбе Григория Ивановича, невьянские женщины, прихожанки Вознесенской церкви, рассказали следующее: «Когда во исполнение приговора за батюшкой пришли в тюремную камеру со словами: “Лобанов, на выход без вещей”, – на его нарах остался сверток личных вещей: кружка, ложка, кое-что из белья и т. п. Среди них нашли маленькую иконочку Пресвятой Богородицы “Казанская” и… крохотный детский башмачок на ребенка ползункового возраста, весь смятый и сплющенный…».

Очевидно, для протоиерея Григория Лобанова, приговоренного к высшей мере, эта беззащитная детская пинетка на тюремных нарах была «родным дыханием» его дома.

История приговора Григория Ивановича трагична и характерна для следовательской стряпни того времени. Лобанов был приговорен к «высшей мере» в конце сентября 1937-го года, но свидетельские показания на него собирали… даже после его смерти. По свидетельству одного их обвиняемых, *«Лобанов Григорий Иванович объединил два течения: григорианское и староперковное. На собраниях “повстанческой монархической организации” прорабатывались следующие темы: 1) опровержение учения Дарвина; 2) религия не может прогрессировать с жизнью».*

«Членами контрреволюционного ***фашистского подполья*** *обсуждались*, – по тому же свидетельству, – *статьи о социализме и русских политических партиях из книг “Церковный совет” и “Государственный разум”. Руководил всем Лобанов»* (из документов областного архива – ***авт.***).

Далее Григорию Лобанову инкриминировалось распространение антиреволюционной литературы и ведение бесед против советской власти. *«Лобанов говорит, что Советская власть – власть сатаны и что знак пятиконечной звезды – это ее знак»* (из документов областного гос. архива – ***авт.***).

И так далее и тому подобное. А кто может доказать обратное? Кто докажет, что ни Лобанов, ни Коровин, ни Савельев всего этого не говорили?

Очень характерна опись обыска в доме Григория Ивановича: кроме паспорта и военного билета, были изъяты: *«справки разные, переписка на 11 листах, книги церковные (до 26 шт.), церковные партитуры»* (из документов областного гос. архива – ***авт.***).

Какой изобличающий «фашистского лидера» материал! Примерно то же самое изъяли и при обыске Леонида Михайловича Коровина.

По другим сведениям, при аресте у Григория Лобанова изъяли книги на церковно-славянском языке, учебник английского языка, два штампа и печать благочинного, список верующих, половину цейсовского бинокля, а также – *«рюмка, ложечка, ящичек, футляр, ручной работы крест из серебра»* (данные Невьянского государственного историко-архитектурного музея – ***ред.***).

Очевидно, в доме Лобановых был произведен повторный обыск, скорее всего, за недостатком улик. По крайней мере, наличие в доме священника евхаристического набора, а также

половины цейсовского бинокля и учебника английского языка следователи сочли важным фактом для обвинения его в «фашистско-повстанческой деятельности против советской власти».

Дача показаний на Григория Ивановича задним числом была, видимо, запланирована. Он был обречен. Как выяснилось позже, компромат на Лобанова собирали в оправдание уже свершившемуся факту обвинения – после исполнения приговора.

В деле, о котором мы ведем речь, против Лобанова есть несколько показаний разных свидетелей, в которых присутствует одна и та же заготовленная формулировка: *«Будучи уличенным материалами следствия, я решил дать откровенные показания о своей контрреволюционной деятельности и деятельности других членов группы»*.

Самооговоры – излюбленный прием следовательской практики того времени. И только по прошествии нескольких десятилетий, когда для близких и родных репрессированных в 30-е годы стали доступны архивные следственные материалы, многие из которых были официально опубликованы, вдруг стала вырисовываться среднестатистическая, то есть объективная, картина заштампованных допросов и обвинений, валом применяемая для подавления ни в чем не повинных людей.

Сатанинская машина по уничтожению православного духовенства в России работала безостановочно, день и ночь, влоть до 80-х годов прошлого столетия. Все было рассчитано на годы, на десятилетия вперед – так запачкать, чтобы не отмывалось.

***

Больше, к сожалению, о священнослужителях Вознесенского храма в архивном деле никаких сведений нет, так как их дела в ходе расследования были выделены в отдельные производства. И лишь в последней папке архивного дела подшиты две маленьких полувыцветших справки розового цвета. В одной написано: *«Лобанов Г. И.... приговорен к В. М. Н., приговор приведен в исполнение 29 сентября 1937 года в 24 часа».* В другой: *«Коровин Л. М.... приговорен к В. М. Н., приговор приведен в исполнение 27 сентября 1937 года»*.

В конце сентября 1937 года их расстреляли…

А на месяц позднее, в октябре, следователи задним числом «выколачивали» признательные показания на них от новой группы заключенных.

Григорий Иванович Лобанов и Леонид Михайлович Коровин были реабилитированы в 1956 году – посмертно. Помянем светлые имена епископа Петра (Савельева), протоиерея Григория Лобанова, протоиерея Леонида Коровина, протодиакона Николая Иванова…

Леонид Михайлович Коровин

Сети нечестивых окружили меня, но я не забывал закона Твоего.
Пс. 118; 61

Соприкасаясь с именами репрессированных в 30-х годах священников, жизнь которых была так или иначе связана с семьей Пономаревых, невольно погружаешься в их поистине трагические судьбы…

Так совершенно неожиданно открылись страницы жизни Леонида Михайловича Коровина, протоиерея Вознесенской церкви города Невьянска, в которой служили в одно и то же время протоиерей Григорий Лобанов и диакон Григорий Пономарев.

О жизни отца Леонида было мало что известно, и даже его младшая дочь Ольга, дожившая до наших времен, ничего не знала о трагической судьбе своего отца. Исторические материалы, которые приводятся ниже, представлены научным сотрудником Невьянского государственного историко-архитектурного музея Любовью Двинских, за что авторы книги приносят ей искреннюю признательность.

Как следует из документов ГААО СО. Д. 20939, Леонид Михайлович Коровин несколько раз находился под стражей. В 1928 году, будучи настоятелем Преображенской церкви Надеждинского завода, он был впервые осужден по доносу. *«Настоятель Спасо-Преображенского собора г. Надеждинска протоиерей Леонид Коровин*, – написано в доносе, – *10 октября 1928 года во время заседания Церковного совета вел среди присутствующих членов агитацию за оказание материальной помощи священникам, сидящим в тюрьмах, говоря, что сейчас везде и всюду идут аресты священнослужителей и нет никакой гарантии за то, что сегодня или завтра арестуют и нас…»* (ГААО СО. Д. 24645).

Следствие по доносу началось 18 октября. В следовательских документах этого дела сказано, что Коровин, *«…используя религиозные предрассудки массы, старался подорвать авторитет советской власти, то есть совершил преступление…»*. Сам отец Леонид, как записано в протоколе, показал следующее: *«…В соборе стоят две кружки: одна в пользу заключенных, другая – в пользу бедных. Из кружки в пользу заключенных церковный староста периодически вынимает деньги, закупает на них продуктов и относит заключенным… при Надеждинской адмчасти…».*

В результате этого расследования Особое совещание при Коллегии ОГПУ приняло решение *«…Коровина Л. М. выслать на Урал, сроком на три года…»*. По отбытии срока наказания, которое отец Леонид отбывал в Тюменском округе, ему было предписано лишение права проживания в 12 пунктах Уральской области с прикреплением к определенному местожительству сроком на 3 года.

30 июля 1937 года в органах НКВД вышел оперативный приказ, призывающий к новым карательным мерам по отношению к духовенству, а уже в августе 1937 года отец Леонид Коровин, проживавший в Невьянске, был снова арестован, теперь уже как участник *контрреволюционной фашистско-повстанческой организации церковников*.

«Так как Коровин сразу же отверг все обвинения следствия в участии в деятельности контрреволюционной организации, – пишет Любовь Двинских, со ссылкой на ГААО, —следователь предъявил ему обвинение в *"собственных отца Леонида преступлениях"*. На что Леонид Михайлович ответил: *"Предъявленную мне изъятую у меня при обыске тетрадь моей рукописи я опозна,.. ее содержание, собственноручно мною писанное, является контрреволюционным, направленным своим существом против построения социализма и коммунизма, а также дискредитирует вождей ВКП (б) и советское правительство…"*».

Признал отец Леонид и проживание в церкви *«и на квартирах нашего духовенства разного монашествующего и церковного элемента до 12 человек…».*

«В числе их, – записано в протоколе, – *лично у меня на квартире проживал… лишь один бывший священник по фамилии Бузунов. Я его приютил как странника, не имеющего ни родных, ни дома, а также и работы…»* Показал также: *«Наличие изъятых у меня 115 книг дореволюционного издательства я признаю, контрреволюционными их не считаю…»* .

Наряду с вышеперечисленными обвинениями, следователи УНКВД признали преступной связь отца Леонида с высланным архиепископом Макарием (Звездовым), которого, в свою очередь, власти объявили одним из руководителей повстанческого центра Уральской области.

В конце 1936 года Леонид Михайлович совершил поездку в Москву к митрополиту Сергию (Старогородцеву). Из Москвы отец Леонид привез около 2 литров освященного мира, за которым и ездил. Однако следствие определило эту поездку как *«поручение для поддержания контрреволюционной связи от епископа Петра Савельева…»* . Сам отец Леонид, со слов следователей, на допросе признал, что в Москве он передал пакет секретного порядка самому митрополиту, но содержания его не знал. В этих действиях Леонида Михайловича Коровина, а именно: в *«установлении связи области с центром»*, то есть с Москвой, следствие усмотрело главный повод к обвинению его в контрреволюционной деятельности. Таким образом, его участие в *фашистско-повстанческой организации церковников* состояло, по мнению следователей, в следующем: *«Вовлечение новых членов в организацию; проведение бесед-сборищ и нелегальных собраний; распространение контрреволюционной монархической церковной литературы и ее чтение; организация в церкви и на квартирах притонов бродящего элемента, не занимающегося общественно-полезным трудом, и направление их для ведения контрреволюционной агитации…»*.

Познакомившись с материалами невьянского исторического музея, которые основаны на подлинных архивных документах, становится совершенно очевидно, что отец Леонид, как и большинство пастырей Русской Православной Церкви, явил своей жизнью пример подлинно евангельского служения Христу.

Именно о таких пастырях Божиих говорят слова Писания: *«Но я ни на что не взираю и не дорожу своею жизнью, только бы с радостью совершить поприще мое и служение, которое я принял от Господа Иисуса» (Деян. 20; 24).* И среди этих истинных служителей Церкви, с радостью совершающих свое поприще, рос и научался подвигам веры молодой диакон Григорий Александрович Пономарев.

Жалобы осужденных

Вскоре после вынесения обвинительного приговора по делу № 16527 все одиннадцать осужденных, в том числе и отец Григорий, подали в различные государственные инстанции жалобы с просьбой о пересмотре решения тройки НКВД от 21 ноября 1937 года. Однако специальным постановлением УНКВД все жалобы были отклонены. В протоколе постановления так и записали: *«Все жалобы, написанные в различные инстанции от членов организации, – отклонить»* (из документов гос. архива – ***авт.***).

Но никто в те годы даже предположить не мог, что именно эти жалобы и жалобы родственников осужденных, а также официальные ответы с резолюцией *«Жалобы… отклонить»* станут после смерти Сталина отправной точкой для нового пересмотра дела № 16527. И только после этого все встанет на свои места.

А 2 августа 1939 года помощник областного прокурора Свердловской области товарищ Фомин рассмотрел поступившую от гражданина Пономарева Г. А. жалобу, в которой он просил пересмотреть решение тройки УНКВД о заключении его в исправительно-трудовой лагерь сроком на десять лет.

«Ознакомившись с жалобой, – написал товарищ Фомин в протоколе, – *нахожу, что гражданин Пономарев Г. А., по социальному положению священнослужитель, и, будучи в… (*неясно – ***авт.****) с митрополитом Савельевым, занимался организацией церковной группы и контрреволюционной агитацией на протяжении ряда лет. "Сам себя признал виновным"* (вписано чернилами – ***авт.****). Факт виновности установлен. Поэтому на основании вышеизложенного полагал бы: за отсутствием основания принесения протеста на решение тройки в ходатайстве заявителю отказать, надзорное производство по делу прекратить и дело вернуть по принадлежности»* (из документов областного гос. архива – ***авт.***).

Среди многих документов государственного областного архива сохранилось также заявление Пономаревой Нины Сергеевны, написанное на имя начальника восьмого отделения УНКВД Свердловской области (от 14 ноября 1937 г.), с просьбой сообщить, где и в каком положении находится дело по обвинению ее супруга, арестованного 30 октября 1937 года. *«Если гражданин Пономарев осужден,* – пишет матушка Нина, – *прошу сообщить, кем, когда, по какой статье и какое наказание»* (из документов областного гос. архива – ***авт.***).

На заявлении Нины Сергеевны казенными словами отписано: *«Тройка НКВД, 21/XI-37 г., 10 лет И. Т. Л.»*.

Подобные заявления матушка Нина писала неоднократно, но все было тщетно. Всю осень и долгую зиму 1937/38 годов она со страхом и надеждой ожидала хоть какого-нибудь ответа от официальных органов власти, куда и по какому обвинению отправили ее мужа, но, так и не дождавшись, решилась написать новое заявление. 4 апреля 1938 года она направляет еще одно письмо с запросом – теперь уже на имя Председателя комиссии Советского контроля при Совнаркоме.

Материалы государственного архива

Председателю комиссии Советского контроля от гр. Пономаревой Нины Сергеевны, проживающей в гор. Нижний Тагил Свердловской области, ул. Кирова, д. 27.

Заявление

Мой муж, Пономарев Григорий Александрович, служитель культа (диакон), был арестован 30 октября 1937 года в городе Невьянске Кировоградского р-на Свердловской обл. Пока он

был еще в Невьянске, я неоднократно писала заявление начальнику райотдела НКВД с просьбой разрешить передачу валенок и белья (муж ушел в худых щиблетах и не имея при себе смены белья), но на все заявления получала отказ.

Числа 17-18 ноября он был из Невьянска отправлен. Когда в Свердловске организовалась комиссия по выдаче справок о заключенных, я (не имея возможности выехать в Свердловск сама, т. к. у меня грудной ребенок) написала заявление с просьбой сообщить, куда и когда выслан мой муж; выслала его в Свердловск со знакомой. Заявление она отдала 8 марта, а ответ был назначен на 14 марта. 14-го она по моей просьбе сходила туда, и на мое заявление последовал такой ответ: «Пономарев Григорий Александрович выслан 1. 12. 37 г. на станцию Известный, Дальлаг».

Узнав это, я хотела не медля послать ему посылку и денег, но справочное бюро отдела связи ответило, что ни станции, ни разъезда такого совсем нет. Полагая, что тут произошла какая-нибудь ошибка, я вторично, уже почтой, послала запрос в Свердловск в комиссию (ул. Радищева, № 42), опять с просьбой сообщить, где муж, и 29 марта получаю такую открытку: «Пономарев Григорий Александрович выслан для отбытия срока». Получив такой ответ, я встала в полнейший тупик. Куда он выслан? На какой срок? В чем он обвиняется и почему? На первое мое заявление можно было ответить, а на второе я получаю ничего не разъясняющую, а, наоборот, вводящую в заблуждение открытку. Не зная, куда больше обращаться, я прошу вашего содействия…

Мой адрес: г. Н-Тагил Свердловской области, ул. Кирова, № 27
1.04.38 г. *Н. Пономарева*

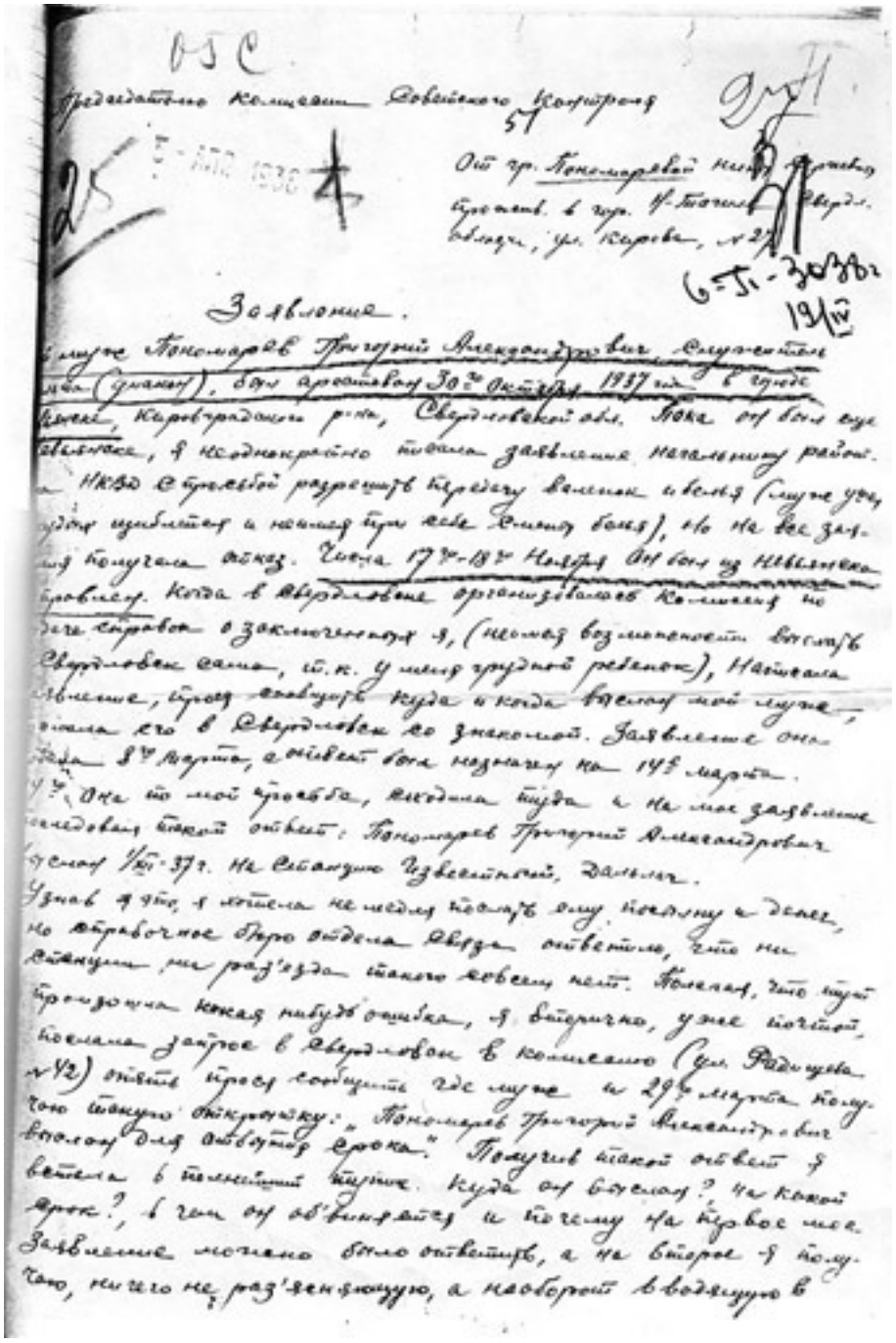
11 апреля 1938 года заявление матушки Нины было зарегистрировано, и только в сентябре Бюро жалоб миссии Совконтроля при Совете народных комиссаров направляет гражданке Пономаревой Н. С. справку, на которой дает следующий ответ: *«Сообщить, что место нахождения Пономарева Г. А. прокуратуре не известно. 30. 09. 1938 г.»* (из документов областного гос. архива – ***авт.***).

Завершая разговор о жалобах осужденных по делу № 16527 с и заявлениях их родственников в различные государственные инстанции с просьбой отклонить обвинение, приведем еще один характерный документ, сохранившийся в государственном областном архиве города Екатеринбурга.

Материалы государственного архива

Из постановления
заместителя областного прокурора Свердловской области Кабакова
(число не ясно— ***авт.***) **1940 г.**

…Ознакомившись с поступившими жалобами, нашел: Пономарев Г. А., служитель культа, по социальному происхождению сын попа, обвиняется в том, что является руководителем ликвидированной контрреволюционной фашистской повстанческой организации церковников…

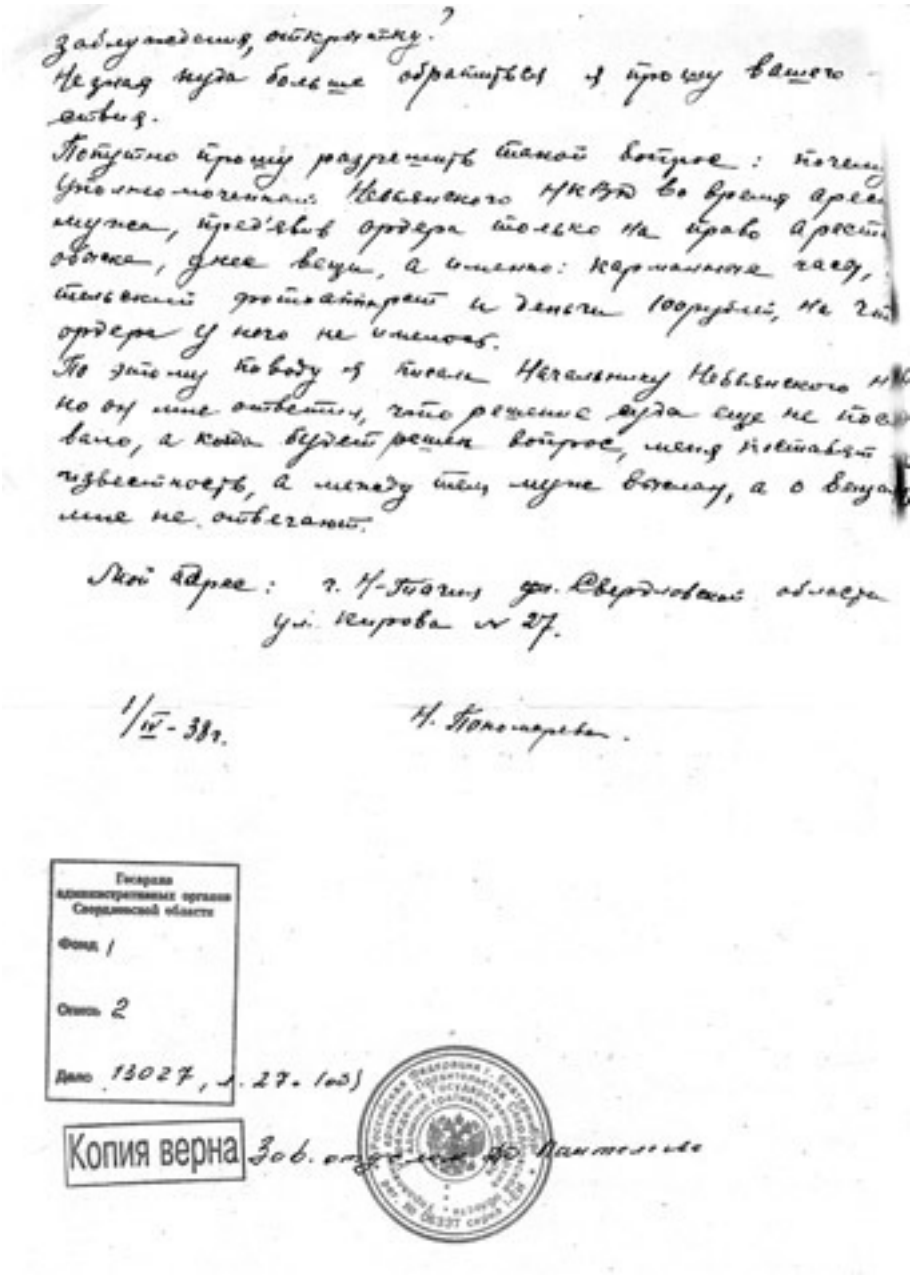
ВЦС

Председателю Комитета Советского Контроля

от гр. Пономаревой Нины Ивановны
проживающей в гор. Н-Тагиле Свердл.
области, ул. Кирова, № 27

Заявление.

В мае Пономарев Григорий Александрович, служивший
попом (диаконом), был арестован 30го октября 1937 г. в городе
Ирбите, Кировградского р-на, Свердловской обл. Пока он был еще
свободен, я неоднократно подавала заявление начальнику райот-
дела НКВД с просьбой разрешить передачу вещей и денег (ему уже
будет исполняется и начнет брит себе самому бороду), но не все зая-
вления получала отказ. Числа 17го-18го ноября он был из Ирбитска
отправлен. Когда в Свердловске организовалась Комиссия по
делам справок о заключенных я, (имея возможность выехать
в Свердловск сама, т.к. у меня грудной ребенок), написала
заявление, прося сообщить куда и когда выслан мой муж,
послала его в Свердловск со знакомой. Заявление она
подала 8го марта, а ответ был назначен на 14е марта.
14го она по моей просьбе, выходила туда и на мое заявление
получила такой ответ: Пономарев Григорий Александрович
выслан 1/XI-37г. На сделанную вежливенькой, дальше.
Узнав в чем, я хотела не медля послать ему посылку и деньги,
но справочное бюро отдела сказало ответили, что ни
сейчас, ни раз'езда такого совету нет. Поняла, что идет
произошла какая нибудь ошибка, я вспомнила, уже поздно,
послала заказное в Свердловск в комиссию (ул. Радищева
№ 42) ответ прося сообщить где муж и 29го марта полу-
чила такую открыточку: "Пономарев Григорий Александрович
выслан для отбытия срока." Получив такой ответ я
вспомнила в тяжелый испуг. Куда он выслан? На какой
срок?, в чем он обвиняется и почему на первое мое
Заявление нельзя было ответить, а не второе я полу-
чила, ничего не раз'ясняющую, а наоборот вводящую в

Заблудившись, откладываю.
Незнаю куда больше обратиться и прошу вашего
ответа.
Попутно прошу разрешить такой вопрос: почем
уполномоченный Новоуральского НКВД во время аре
мужа, предъявив ордера только на право ар
обыска, взял вещи, а именно: карманные часы,
швейский фотоаппарат и деньги 100 рублей, на
ордера у него не имелось.
По этому поводу я писала Начальнику Новоуральского
но он мне ответил, что решение куда еще не
дано, а когда будет решен вопрос, меня извещат
телеграммой, а между тем мне писать, а о вещ
мне не отвечают.

Мой адрес: г. Н-Тагил Свердловской обл.
ул. Кирова № 27.

1/IV-38 г. Н. Пономарева.

Государственный архив административных органов Свердловской области
Фонд 1
Опись 2
Дело 13027, л. 27. (оборот)

Копия верна Зав. отделением по Пантелеево

Пономарев в предъявленном обвинении виновным себя признал и пояснил: «Будучи вовлеченным в организацию Лобанова, я на протяжении непродолжительного времени по заданию руководителя проводил под видом религиозных бесед о душе и загробной жизни контрреволюционную агитацию…».

Подана жалоба Пономаревой Н. С. по делу мужа, где она просит сообщить, где муж. Что касается доводов в оправдание своего мужа, последняя не приводит. Лобанов, коим завербован обвиняемый, осужден по первой категории (см. задание 3).

Так развивались трагические события 1937 года, придя к своему логическому завершению в 1954 году.

«Не рой яму другому…» – гласит народная мудрость, которая перекликается по смыслу со словами псалмопевца: *«Вот, нечестивый зачал неправду, был чреват злобою и родил себе*

ложь; рыл ров, и выкопал его, и упал в яму, которую приготовил: злоба его обратится на его голову, и злодейство его упадет на его темя» (Пс. 7; 15-17).

Часть II. 1954 год – дело следователей

И страждущие более и более будут радоваться о Господе, потому что… будут истреблены все поборники неправды, которые запутывают человека в словах, и… расставляют сети, и отталкивают правого.

Ис. 29; 19-21

«По указанию прокурора Союза ССР…»

Шли годы. В России менялось многое. Сталин умер. Во главе страны встал Хрущев. И поднялась еще одна волна репрессий и гонений. Это было новое политическое время, но, чтобы утвердить вновь сформированную власть, надо было обличить беззакония предшествующей. Именно эти тайные коллизии и переживала наша страна во второй половине 50-х годов. Окостеневшие за годы правления Сталина и Берии судебные структуры требовали реорганизации – очевидно, с целью наведения порядка, подконтрольного новому составу Политбюро.

За все преступления времен «культурной революции» страна расплатилась миллионами человеческих жизней. Людей, раздавленных государственной машиной, уже не вернуть, но на волне политической реабилитации репрессированных легко завоевать авторитет поборников справедливости. Новая власть – новая политика, и, чтобы утвердить ее, надо разоблачить культ предыдущих лидеров и их ближайшее окружение. Самым громким политическим разоблачением должны были стать публичные пересмотры старых судебных дел.

По специальному указанию прокурора Союза ССР такой пересмотр коснулся, в числе многих других, и закрытых дел 1937 года по Уральскому Комитету государственной безопасности. Вновь назначенные следователи и члены свердловской прокуратуры приступили к изучению старых документов, пересматривая жалобы родственников и пострадавших, которые уже отбыли свой срок.

Но ведь пятно судимости уже ничем не смоешь.

Судимость дает поражение в правах граждан. А их десятки и сотни тысяч… Попробуй доказать правду, за что человек был судим и почему провел десять лет в тяжелой неволе. Даже после освобождения и реабилитации и по прошествии многих лет, когда стали доступными материалы следствия по делу 1937 года, отец Григорий избегал каких-либо разговоров на эту сложную тему и пресекал всякого, кто пытался вести расспросы о годах его заключения. Только близкий ему человек – матушка Нина – сохранила для нас с вами правду об этом страшном этапе их жизни.

Итак, пришло время «собирать камни» и разгребать «авгиевы конюшни». Теперь на скамье подсудимых должны были оказаться непосредственные исполнители старых дел – те, кто обвинял и расстреливал «служителей культа» – «врагов народа», осужденных ранее.

Материалы государственного архива

Прокурору Свердловской области советнику юстиции т. Толкачеву
от 24 августа 1954 года. Секретно. Экз. № 1.

По указанию прокурора Союза ССР нами рассматривается архивно-следственное дело № 16527 (арх. № 13027) на судимых Тамакулова, Горбунова, Пономарева и др.

В сентябре 1940 года, как видно из приобщенного к делу постановления прокуратуры Свердловской области, рассматривались жалобы осужденных и их родственников. Однако к делу жалобы не приобщены. Учитывая, что изложенное в указанных жалобах должно быть учтено при пересмотре дела и что жалобы могут оказаться основаниями для принятия по делу решения, просим Ваших указаний о высылке в наше распоряжение последних.

Начальник следственного отдела УКГБ полк. Стряпчий

В подкрепление и оправдание нового курса политики партии и правительства осенью 1954 года Центральный комитет КПСС принял Постановление, которое гласило:

«Обязать обкомы, крайкомы КПСС, ЦК компартий союзных республик и все партийные организации решительно устранить ошибки в атеистической пропаганде и впредь ни в коем случае не допускать каких-либо оскорблений чувств верующих и церковнослужителей, а также административного вмешательства в деятельность Церкви.

Необходимо иметь в виду, что оскорбительные действия по отношению к Церкви, духовенству, верующим гражданам несовместимы с линией Партии и государства в проведении научно-атеистической пропаганды и противоречат Конституции СССР, предоставляющей советским гражданам свободу совести» (перепечатано из архива отца Григория – ***авт.***).

Постановление ЦК КПСС было принято 10 ноября, а уже вскоре, 17 ноября 1954 года, в органах УКГБ Свердловской области вышло постановление «Об изъятии из архива наблюдательного производства и приобщении его к архивно-следственному делу № 16527».

Следователем по новому делу был назначен старший следователь отдела УКГБ капитан Шутенко. Именно он рассмотрел наблюдательное производство по делу №… и допросил всех свидетелей – бывших следователей сфабрикованного дела 1937-го года, по которому в числе многих других был осужден отец Григорий.

Материалы государственного архива

Постановление
об изъятии из архива наблюдательного производства и приобщении его к архивному следственному делу № 16527 от 17 ноября 1954 г.

Я, старший следователь отдела УКГБ по Свердловской области капитан Шутенко, рассмотрев наблюдательное производство № 6-357/н по делу Тамакулова, Горбунова, Пономарева и др. за 1939/40 гг., нашел:

в указанном наблюдательном производстве имеются жалобы, а также ряд документов, которые имеют существенное значение и должны быть использованы при решении вопроса о правильности осуждения в 1937 году Тамакулова, Горбунова, Пономарева и др., а потому постановил:

наблюдательное производство № 6-357/н на 121 листе из архива прокуратуры изъять и приобщить к следственному делу № 16527 по обвинению Тамакулова, Горбунова, Пономарева и др.

Старший следователь отдела УКГБ капитан Шутенко

Постановление об изъятии вышло 17 ноября 1954 года, а накануне, 2 ноября, отца Григория, чуть более года назад прибывшего домой после шестнадцати лет разлуки с близкими, вызвали в специальный следственный отдел при Совете министров по Свердловской области на допрос.

Не будем описывать, какой страх вновь испытала семья Пономаревых. Скажем только, что этому допросу предшествовали нелегальные обыски в их доме, о которых догадывался один только отец Григорий. Однако страхи оказались преждевременными. Более того, допрос отца Григория от 2 ноября 1954 года, дошедший документально до нашего времени, расставил многое по своим местам, снимая с арестованных обвинения в предательстве друг друга. Так трагические события 1937 года высветились в настоящей правде и истине.

Материалы государственного архива

Протокол допроса
Пономарева Григория Александровича

1914 г.р., урожд. г. Шадринска, служитель культа от 02. 11. 1954 года

Допрос начат 2 ноября, окончен 2 ноября.

Начальник следственного отдела УКПТ при СМ по Свердловской области майор Тевдорошвили.

Анкетные данные Пономарева…

В 1937 году решением тройки при УНКВД Свердловской области был судим как участник антисоветской организации. Приговорен к 10 годам лишения свободы. Меру наказания отбыл в 1947 году.

Вопрос: Где Вы проживали до момента ареста?

Ответ: В 1937 году арестован органами НКВД, жил в городе Невьянске, работал псаломщиком Вознесенской церкви. В Невьянске проживал вместе со своими родителями.

Вопрос: Кто был привлечен вместе с Вами по делу?

Ответ: Из числа служителей Вознесенской церкви за некоторое время до моего ареста были арестованы Коровин Леонид, диакон Иванов Николай Иванович, священник Лобанов Григорий Иванович. Проходили ли они по одному делу со мною, я утверждать не могу, я только предполагаю, что Коровин, Иванов и Лобанов проходили по одному делу со мной.

Вопрос: Вы знали Тамакулова?

Ответ: Тамакулова я не знал.

Вопрос: При Вознесенской церкви работал псаломщиком Кулаков Иван Григорьевич?

Ответ: В период моей службы в Вознесенской церкви псаломщиком был я. Я припоминаю, что был такой Кулаков И. Г., примерно одного возраста со мной. Со мной не общался. Выполнял обязанности пономаря (зажигал свечи и т. д.).

Вопрос: Кого Вы знали до ареста в селе Шурала и В-Нейвинске, и пос. В-Рудянка?

Ответ: Я знал только священника протоиерея Ивана – настоятеля церкви с. Шурала. С ним я служил вместе в Вознесенской церкви до его перевода в Шуралу. В 1935-36 году он умер, и по этому случаю я выезжал в Шуралу. Более никого из лиц, служивших в В-Нейвинске, Шурале, В-Рудянке, я не знал. Ни с кем не служил.

Вопрос: Знали ли Вы служителей Кирилова, Мохова, Морозова, Арапова, Горбунова, Комарова, Заева, Бревенникова?

Ответ: Из перечисленных в данном вопросе лиц я никого не знал.

Вопрос: Охарактеризуйте названного Вами выше Лобанова и Коровина с политической стороны.

Ответ: Лобанов, Иванов и Коровин были религиозно убежденными людьми.

Вопрос: Расскажите, что Вам известно о проводимой ими агитационной деятельности в период вашего общения?

Ответ: Проводили ли они какую-то антисоветскую деятельность, мне совершенно неизвестно. В моем присутствии и в беседах со мной никогда эти темы не затрагивались. Они никогда ничего не высказывали против советской власти и коммунистической партии. Когда я был арестован в 1937 году, допрашивающий меня сотрудник (фамилию не помню) добивался от меня показаний на Лобанова, Иванова, Коровина, чтобы я подтвердил, что они проводили контрреволюционную деятельность против советской власти. Проводили ли они таковую, мне совершенно неизвестно, и услышал подобное я лишь на допросе.

Вопрос: Но и Вы на допросе от 15 ноября 1937 года показали, что Лобанов, Иванов, Коровин являлись участниками контрреволюционной организации. Почему Вы сейчас заявляете обратное?

Ответ: Те показания, которые были внесены в протокол допроса на следствии 1937 года, являются неправильными. Они были написаны допрашивающим меня сотрудником НКВД… На допросе в 1937 году я так же, как и сейчас, правдиво показывал, что мне совершенно неизвестно, проводили ли Лобанов и другие антиреволюционную пропаганду. Однако, несмотря на это, допрашивающий меня сотрудник прокуратуры не записывал, что я говорил. На допросе в 1937 году меня спросили: знаю ли я Лобанова, Коровина, Иванова? Я не мог это отрицать, поскольку мы служили в одной церкви… Допрос начинался в конце дня и заканчивался только на следующий день. В течение всего периода мне не разрешали садиться. Я все время стоял на ногах. Допрашивающий со мной обращался очень грубо, всячески угрожал.

Вопрос: Какие Вам предъявлялись материалы на допросе в 1937 году?

Ответ: Никаких материалов на допросе мне не предъявлялось.

Вопрос: Вы это утверждаете?

Ответ: Да, я помню хорошо, что никаких материалов тогда мне не предъявлялось.

Вопрос: Из протокола допроса, надписанного «не читать», от 15 ноября, видно, что Вам предъявлялись показания арестованных.

Ответ: Я отвечаю правдиво и повторяю, что в 1937 году на допросе мне никаких показаний арестованных не было предъявлено.

Вопрос: Ваши отрицания записанного в протоколе не являются ли результатом Ваших религиозных убеждений и стремлением доказать, что служители религиозного культа не могут проводить антигосударственную деятельность?

Ответ: Я же не могу и не собираюсь отрицать того факта, что среди служителей религиозного культа, возможно, и были лица, которые проводили деятельность против советской власти. Но мои показания являются правдивыми. Я повторяю, что лично я ни в какой организации не состоял и никакой антисоветской деятельности не проводил. Мне не известно о проведении ее Лобановым, Ивановым, Коровиным. То, что записано в протоколе от 15 ноября 1937 года, я не подтверждаю и не могу подтвердить, поскольку это было записано не с моих слов…

Вопрос: В протоколе допроса от 15 ноября как участники организации и проводившие активную антисоветскую деятельность проходят Ведунов И. И., Чернобровкина Е. И., Уткина А. В. Расскажите, что Вам известно о проводимой ими антисоветской деятельности?

Ответ: Проводили ли эти люди какую-либо антисоветскую деятельность, мне неизвестно. Их я знал, поскольку все они входили в Церковный совет. Если в протоколе указано, что они якобы были участниками антисоветской организации, то это произошло также по вине того, кто допрашивал меня.

Вопрос: Что Вы желаете дополнить к своим показаниям?

Ответ: Дополнить к своим показаниям ничего не имею.

«Протокол мною прочитан лично. Показания с моих слов записаны правильно». ***Пономарев***

Допросил: Начальник отдела следственного предела УКПТ при СМ по Свердловской области майор Тевдорошвили. 2.11.1954 г.

23 марта 1955 года Судебной коллегией по уголовным делам Верховного суда СССР в составе Басавина, Владимирова, Назарова был рассмотрен протест Генерального прокурора на постановление тройки УНКВД от 21 ноября 1937 года, согласно которому осужденные за антисоветскую деятельность по статьям 58-10, часть 1 и 58-11 УК РСФСР Тамакулов, Горбунов, Пономарев Г. А. и др. были приговорены к десяти годам лишения свободы в исправительно-трудовом лагере.

Протест Генерального прокурора был внесен на предмет отмены постановления тройки и прекращения дела в отношении всех вышеуказанных лиц за отсутствием состава преступления.

Ознакомившись с материалами дела, Судебная коллегия нашла, что *«постановление тройки УНКВД от 21 ноября 1937 года подлежит отмене, и дело должно быть прекращено»*. Основанием к этому Коллегия нашла следующее: *«Из материала дела видно, что все обвинения в том, что осужденные занимались антисоветской деятельностью, основаны исключительно на их признательных показаниях, которые ими были даны в 1937 году, от которых они впоследствии отказались. В своих жалобах они указывают, что эти показания ими были даны по принуждению работников следствия»* (из документов областного гос. архива – ***авт.***).

Таким образом, Судебная коллегия от 23 марта 1955 года вынесла следующее определение:

«Постановление тройки при УНКВД от 21 ноября в отношении Тамакулова, Горбунова, Пономарева, Кулакова, Кирилова, Морозова, Мохова, Бревенникова, Комарова, Заева, Арапова отменить, и дело прекратить за отсутствием состава преступления» (из документов областного гос. архива – ***авт.***).

Документ подписан членом Судебной коллегии Басавиным.

«Истреблены будут все поборники неправды» (Ис. 29; 20)

Итак, за отсутствием состава преступления дело, по которому осудили отца Григория и еще десять человек «церковников», было прекращено. Теперь судили и допрашивали тех *поборников неправды*, которые издевались над невинными людьми и по сфальсифицированному обвинению приговорили большинство из них к исправительным работам на 10 лет в местах лишения свободы, а некоторых – к высшей мере.

В государственном архиве по делу № 16527 сохранилось несколько фрагментов свидетельских (пока свидетельских) показаний следователей УНКВД, которые вели в 1937 году это дело. Вот небольшой список имен бывших сотрудников следственных органов, участвовавших в «выбивании» любой ценой признательных показаний от подследственных. Многие имена и даты за давностью времен в документах госархива утрачены, поэтому анкетные данные участников описываемых событий приведены не полностью.

Тююшев Демьян Васильевич, 1908 года рождения, – начальник кировоградского РОМ УМВД в звании майора;

Сапожников.., 1908 г. р., – член КПСС, инспектор машзавода, помощник оперуполномоченного;

Чепкасов.., 1905 г. р. – начальник группы уголовного розыска отдела милиции № 11 города Свердловска;

Бахарев… – старший лейтенант, бывший начальник РОНКВД Кировоградского района города Невьянска;

Варшавский Л. Л. – бывший заместитель начальника Управления НКВД по Свердловской области. В феврале 1948 года бывший начальник четвертого отдела УНКВД Варшавский был осужден за провокационные методы ведения следствия и фальсификацию материалов.

В документах архива сохранились в основном их свидетельские показания. Лишь на одного из них – Варшавского Л. Л. – большая обзорная справка с приговором Военной коллегии Верховного суда СССР. Дальнейшая работа с подследственными – бывшими сотрудниками НКВД – выделена, очевидно, в самостоятельное дело, и эти документы уже недоступны.

Приведем ниже характерные фрагменты допросов бывших следователей и уполномоченных НКВД.

Материалы государственного архива

Фрагмент допроса
свидетеля Тююшева Демьяна Васильевича, 1908 г. р.
Протокол от 24. 11. 1954 года

…**Ответ:** Руководством РОНКВД мне выдавались ордера на арест различных лиц. Имелись ли какие материалы для учета, я не знаю. Лично у меня никаких дел оперативного учета ни на кого не было. Произведя арест, арестованных я сдавал в КПЗ вместе с ордером на арест, а материалы обысков передавал руководителю РОНКВД.

Вопрос: Во время содержания арестованных в КПЗ в 1937 – 1938 гг. в камерах проводилась какая-либо обработка арестованных на предмет дачи показаний?

Ответ: В 1938 году, летом, я узнал во время перепроверки материалов дел, что до 1938 года в Кировоградском районе РОНКВД проводилась соответствующая камерная обработка арестованных на предмет дачи признательных показаний. Кто руководил камерной обработкой, я не знаю. Принимали участие молодые работники, учась, *как* надо вести допросы. При этом арестованных допрашивали длительное время, требуя признательных показаний.

Вопрос: Существовала ли в действительности на территории Кировоградского района монархическая повстанческая организация церковников?

Ответ: Существовала ли такая организация, я не знаю.

Допросил ст. лейтенант Шутенко

Фрагмент допроса
свидетеля Сапожникова, 1908 г. р.
Протокол от 11. 1954 года (число не ясно – ***авт.***)

Вопрос: Вы работали в органах НКВД в 1937-1938 годах?

Ответ: Да, работал.

Вопрос: Где и в какой должности?

Ответ: Я работал помощником оперуполномоченного, лично принимал участие в арестах и допросах.

Вопрос: Существовала на территории Кировоградского района террористическая организация?

Ответ: Существовала ли такая организация, я не знаю. Я, а также другие работники РОНКВД арестованных допрашивали длительное время, с 10 утра до 5 вечера, а потом с 8 вечера до 3 ночи. Допрашивали с напряжением. Кроме того, допускали элементы уговора арестованных и называли других лиц, как бы участников контрреволюционной организации. Арестованным говорилось, что такой-то поп признал себя виновным и что арестованному надо дать такие же показания, после чего арестованные давали показания на других лиц. Я записывал показания неточно, допуская элементы преувеличения преступной деятельности.

Допросил ст. лейтенант Шутенко

Фрагмент допроса
свидетеля Сапожникова, 1908 г. р.
Протокол от 24. 12. 1954 года

Сапожников: Само название организации как фашистская, повстанческая является вымыслом, подсказанным Масляникову мною по указанию Бахарева.

Допросил ст. лейтенант Шутенко

Фрагмент допроса
свидетеля Чепкасова, 1905 г.р., проживающего в Свердловске-44
Протокол от 29. 10. 1954 года

Чепкасов: В бытность моей работы в кировоградском РО я оформлял материалы на многих лиц. В постановлениях об избрании меры пресечения и предварительного обвинения я, по указанию начальника райотдела НКВД Бахарева, указывал, что тот или иной человек являлся участником контрреволюционной организации, и указывалась проводимая им преступная деятельность.

Вопрос: Существовала ли в Кировоградском районе контрреволюционная организация в 1937 году?

Ответ: Я не видел никаких материалов о возможности существования такой организации. Постановление на арест я писал по указанию начальника РОНКВД Бахарева.

Ст. лейтенант Шутенко

Бахарев – бывший начальник районного отдела Народного комиссариата внутренних дел Кировоградского района города Невьянска – в конце 40-х годов был привлечен по статье 58-8-11 УК РСФСР, но дело прекратили за смертью обвиняемого.

В акте освидетельствования Бахарева судебно-психиатрической экспертизой было установлено отклонение в психике. Сейчас трудно понять, был ли психически болен следователь невьянского НКВД, когда давал указания на выписку постановлений на арест своих земляков-невьянцев. Возможно, что у него не выдержали нервы, когда он сам стоял под невыносимым светом прожекторов, будучи обвиняемым за провокационные методы ведения следствия и фальсификацию материалов. Не дожил Бахарев до своего обвинительного заключения, скончавшись в процессе следствия. Что ж, *«падут нечестивые в сети свои» (Пс. 140; 10)*, – давно сказано.

А задолго до этого, 24 февраля 1939 года, был арестован еще один из бывших следователей – заместитель начальника Управления НКВД по Свердловской области Варшавский Л. Л., которого тоже обвинили в участии в антисоветском заговоре, только теперь уже в заговоре, созревшем в органах НКВД.

Старший лейтенант Шутенко (позднее – капитан), допросивший в 1954 году бывших следователей НКВД, записал в обзорной справке от 21 апреля 1954 года: *«В вопросах внедрения провокационных методов ведения следствия и фальсификации документов Варшавский толкал подчиненный ему аппарат добиваться любой ценой признания от арестованных, в невиновности которых он сам заведомо был уверен, но требовал* [признательных показаний – ***ред.***] *для оформления дел, для передачи в судебные инстанции… Практиковалось составление вымышленных протоколов* [на обвиняемых – ***ред.***]*, виновность которых не была доказана, и приговоры к различным срокам ссылок в исправительные лагеря и к В. М. Н.»* (из документов областного гос. архива – ***авт.***).

На основании этих данных 15 февраля 1940 года Военная коллегия Верховного суда СССР осудила Варшавского на 15 лет исправительно-трудовых работ.

Исполнились слова Священного Писания: *«Ибо Он по делам человека поступает с ним и по путям мужа воздает ему» (Иов 34; 11)*.

«За недоказанностью преступления…»

Вскоре после возвращения домой из мест лишения свободы, весной 1954 года, отец Григорий подает в районное отделение милиции города Кушвы заявление о снятии с него судимости. Заявление это, написанное по требуемому образцу, сохранилось в материалах областного государственного архива. Интересно оно еще и тем, что впервые становятся известными точные данные, где именно и как работал батюшка после отбытия срока. Выяснилось также, что освобожден он был из лагерного пункта № 2, Боковой, станции Ягодная Хабаровского края.

Стоит отметить и тот факт, что бывший заключенный Пономарев, отбывший десять лет в исправительно-трудовых лагерях Магаданского края и устроившийся вскоре в Дорожный отдел Дальстроя МВД в должности дорожного десятника, неоднократно получал от начальства благодарность за хорошие производственные показатели.

Как же добросовестно надо было трудиться в суровых таежных условиях – на холодном ветру и в лютый мороз, – чтобы бывшему зэку, объявленному «врагом народа», завоевать уважение среди начальства и даже неоднократно получать за свой труд благодарности! Совесть христианская не позволяла отцу Григорию работать спустя рукава.

Материалы государственного архива

Из заявления
о снятии судимости в кушвинском РОМ, 1954 г.

…Пономарев Григорий Александрович, 1914 г.р., Курганская обл., г. Шадринск;
адрес: г. Кушва, Свердловская обл., ул. Зырянова, 21;
место работы: Михайло-Архангельская церковь;
должность: дьякон, служитель религиозного культа;
кем арестован: в 1937 г., в октябре, НКВД г. Невьянска;
когда осужден: в 1937 г., 21 ноября, Свердловской тройкой НКВД по делу УНКВД, срок 10 лет;
когда освобожден: в 1947 г., 30 октября, Хабаровский край, Магадан, Ягодная, Лагпункт № 2, Боковой, за отбытием срока.
31. 10. 1947 г. Хабаровский край, Дорожный отдел, в должности дорожного десятника.
11. 04. 1953 г. г. Магадан, Ягодная, Дорожная 23 дистанция, в должности дорожного десятника.
2. 05. 1953 г. – 3. 07. 1953 г. г. Свердловск, ул. Плавильщиков, д. 9; находится в отпуске.
4. 08. 1953 г. г. Кушва, ул. Зырянова, 21, Михайло-Архангельская церковь, диакон.
Со времени освобождения с 30 октября 1947 г. никаких преступлений не совершил, к судебной ответственности не привлекался и осужден не был. От дорожного отдела СГПУ за хорошие производственные показатели объявлена благодарность, приказ № (далее не разборчиво – ***авт.***) от 06.09. 1949 г. От дорожного отдела СГПУ за хорошие производственные показатели объявлена благодарность, приказ № 37 от 30. 03. 1953 г.

К заявлению отца Григория о снятии судимости приложена справка из кушвинской Михайло-Архангельской церкви, подписанная ее настоятелем, протоиереем Александром Введенским, от 23 мая 1954 года. В ней написано следующее: *«Настоящая справка выдана Пономареву Г. А., что он работает дьяконом и исполняет свои обязанности добросовестно… За все время не было сделано ни одного замечания… Приятно видеть патриотическую настроенность в организации Богослужения во дни Советских праздников»* (из документов област-

ного гос. архива – ***авт.***). Последняя фраза, конечно, обращает на себя внимание. Видимо, в характеристике гражданина Пономарева с места работы эта фраза должна была быть ключевой, чтобы способствовать быстрому ходу дела по снятию судимости, и умудренный жизненным опытом отец настоятель тонко понимал это.

Все необходимые документы для реабилитации осужденного Пономарева были собраны и отданы в кушвинский отдел милиции. А далее хорошо организованная бюрократическая машина по движению и производству прокурорских бумаг заработала сама по себе, запрашивая все необходимые и недостающие для решения дела материалы в учетно-архивном отделе Управления Комитета государственной безопасности.

Документы о снятии судимости с Пономарева Г. А. (так называемый «оформленный материал» на одиннадцати листах) и сам запрос были направлены в прокуратуру Союза ССР в апреле 1954 года.

Материалы государственного архива

Начальнику учетно-архивного отдела УКГБ
подполковнику Горшенину.
На № 7/1-23 от 14 апреля 1954 года.

…При этом высылается оформленный материал на снятие судимости с Пономарева Г.А.
Приложение: Запрос и материал на снятие судимости.
Всего на 11 листах.

***

Учетно-архивный отдел, 15 июля 7/1 23 п.
В прокуратуру Союза ССР, отдел по спецделам, Москва.

В управление КГБ по Свердловской области поступило заявление гр. Пономарева Г. А., 1914 г. р., ходатайствующего о снятии судимости.

Рассмотрение указанного заявления задерживается в связи с отсутствием архивно-следственного дела Пономарева Г. А. Проверкой установлено, что данное дело направлено в отдел по спецделам прокуратуры СССР. Просим сообщить, может ли быть выслано указанное дело нам для рассмотрения заявления.

***

Прокурору Свердловской обл. Климову.
Архивно-следственное дело № 16527 для проверки законности решения тройки УНКВД от 21. 11. 1937 года.

Необходима проверка материалов. Дело направлено вместе с заключением КГБ в прокуратуру.

2 августа 1954 г.

7 января 1955 года начальник следственного отдела Уральского Комитета госбезопасности при СМ СССР подписал наконец заключение по архивно-следственному делу № 16527. Из документа следовало, что в результате специальной проверки органы госбезопасности не обнаружили никаких материалов, подтверждающих виновность осужденных по данному делу.

Более того, старший следователь УКГБ капитан Шутенко, лично допросивший бывших следователей, дал пояснение, что работники НКВД добились ложных показаний от обвиняемых путем вымогательств и обмана. В частности, бывшие сотрудники Комитета внутренних дел Сапожников, Тююшев, Бахарев и Чепкасов на допросе опровергли показания Григория Ивановича Лобанова, послужившие якобы основанием для ареста Пономарева.

СССР

Форма «А»

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

ВИДОМ НА ЖИТЕЛЬСТВО НЕ СЛУЖИТ ПРИ УТЕРЕ НЕ ВОЗОБНОВЛЯЕТСЯ.

ВЫДАН 1934 г.

2-ВЩ

Управление лагеря «АВ-5»

30 октября 1947 г.

СПРАВКА № 5441

Выдана гражданину (ке) Пономареву Григорию Александровичу

1914 года рождения, уроженцу (ке) г. Шадринск

гражданство (подданство) СССР национальность русский

осужденному (ой) по делу УКГБ Свердловской области

21 ноября 1937 г. по ст.ст. — УК —

к лишению свободы на десять лет с поражением в правах на — года, имеющему (ей) в прошлом судимость сведений нет

в том, что он (она) отбывал (ла) наказание в местах заключения МВД по 30 октября 1947 г. и по отбытии срока наказания

С применением ст. 39 положения о паспортах

Освобожден (на) 30 октября 1947 г. и следует к избранному месту жительства

(город, село, дер., район, область)

до ст. жел. дороги.

Место для фотокарточки или дактилоскопического указательного пальца правой руки

Печать

Начальник лагеря «АВ-5» лейтенант (Шевченко)

Нач. ОУРЗ (Столбов)

По сути дела, этим официальным документом, обличающим систему чудовищной «кухонной стряпни» в системе органов НКВД, следственные структуры высекли сами себя. Знаменательна и фамилия подполковника, согласовавшего заключительный протокол от 7 января 1955 года, – Стряпчий…

Материалы государственного архива

Заключение
по архивно-следственному делу № 16527
Протокол от 7 января 1955 г.

Я, старший следователь Следственного отдела Управления КГБ капитан Шутенко, в соответствии с определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Совета Союза ССР от 6 марта 1954 года, рассмотрев архивное дело по обвинению Тамакулова, Горбунова, **Пономарева,** Кулакова, Кирилова, Морозова, Мохова, Бревенникова, Комарова, Заева, Арапова, нашел:

из материалов архивно-следственного дела видно, что Тамакулов.., Горбунов., **Пономарев Г. А.** (1914 г. р., урожденный г. Шадринска Курганской области, русский, гр. СССР, беспартийный, с образованием 7 классов, сын священника, до ареста служил псаломщиком в церкви, проживал в г. Невьянске, в Кировоградском районе, был арестован в 1937 году бывшим Кировоградским РО и привлечен к уголовной ответственности), Кулаков.., Кирилов.., Морозов.., Мохов.., Бревенников.., Комаров.., Заев.., Арапов… решением тройки при УНКВД были осуждены на 10 лет лишения свободы.

Материалы данного дела свидетельствуют, что Тамакулов.., Горбунов., **Пономарев Г. А.**, Кулаков.., Кирилов.., Морозов.., Мохов.., Бревенников.., Комаров.., Заев.., Арапов… якобы являлись участниками контрреволюционной организации и проводили контрреволюционную деятельность.

Произведенной проверкой органом госбезопасности установлено, что никакими материалами, подтверждающими их причастность к контрреволюционной повстанческой организации и якобы проводимой ими контрреволюционной агитации, органы следствия не располагали. И только уже после их ареста работники органов НКВД, проводившие следствие, – Бахарев, Чепкасов, Тююшев, Казанцев, Сапожников – путем вымогательства и обмана арестованных добивались от них ложных признаний о принадлежности к мнимому контрреволюционному формированию.

Будучи допрошенными в качестве свидетелей, бывшие сотрудники Кировоградского РО Чепкасов, Тююшев, Казанцев, Сапожников, проводившие следствие, опровергли показания Лобанова, Пометова и др., послужившие основанием для ареста Горбунова, Пономарева, Кулакова как сфальсифицированные ими на допросах. Заявили, что о существовании контрреволюционной организации на территории Кировоградского района г. Невьянска им ничего не известно, и показали, что они путем вымогательств и обмана арестованных добивались от них ложных признаний…, записывали показания неточно, допуская преувеличения.

Будучи передопрошенным, Пономарев, осужденный по данному делу, на допросе 2 ноября 1954 года от показаний, которые он давал по своему делу в 1937 году, отказался и заявил, что на следствии в 1937 году никаких признательных показаний он не давал. Никого из числа своих знакомых он не называл, и признательные показания от его имени были записаны в протокол допрашивающим его работником органов НКВД… (том 3, стр. 179-184).

Полагал бы: войти с ходатайством в Судебную коллегию по уголовным делам Верховного Совета об отмене решения тройки НКВД от 21 ноября 1937 года в отношении Тамакулова,

Горбунова, **Пономарева,** Кулакова, Кирилова, Морозова, Мохова, Бревенникова, Комарова, Заева, Арапова о прекращении на них дела за недоказанностью преступления.

Ст. следователь УКГБ капитан Шутенко

***«Согласен»** – Нач. след. отдела УКГБ при СМ СССР подполковник Стряпчий. 7 января 1955 года.*

Заключение органов КГБ от 7 января 1955 года о прекращении дела № 16527 за недоказанностью преступления является, пожалуй, самым главным документом в деле государственного областного архива. Многие арестованные по этому делу – замученные насмерть в камерах предварительного заключения и без вины расстрелянные – так и не узнали всей правды о том, что «признательные» показания на них давали не друзья и сослуживцы, как это усиленно впечатывалось в протоколы, а следователи-иуды.

***

Весной 1955 года была поставлена последняя точка в этом сложном, запутанном деле. Почти восемнадцать лет понадобилось для того, чтобы восстановить справедливость и реабилитировать имена невинных людей.

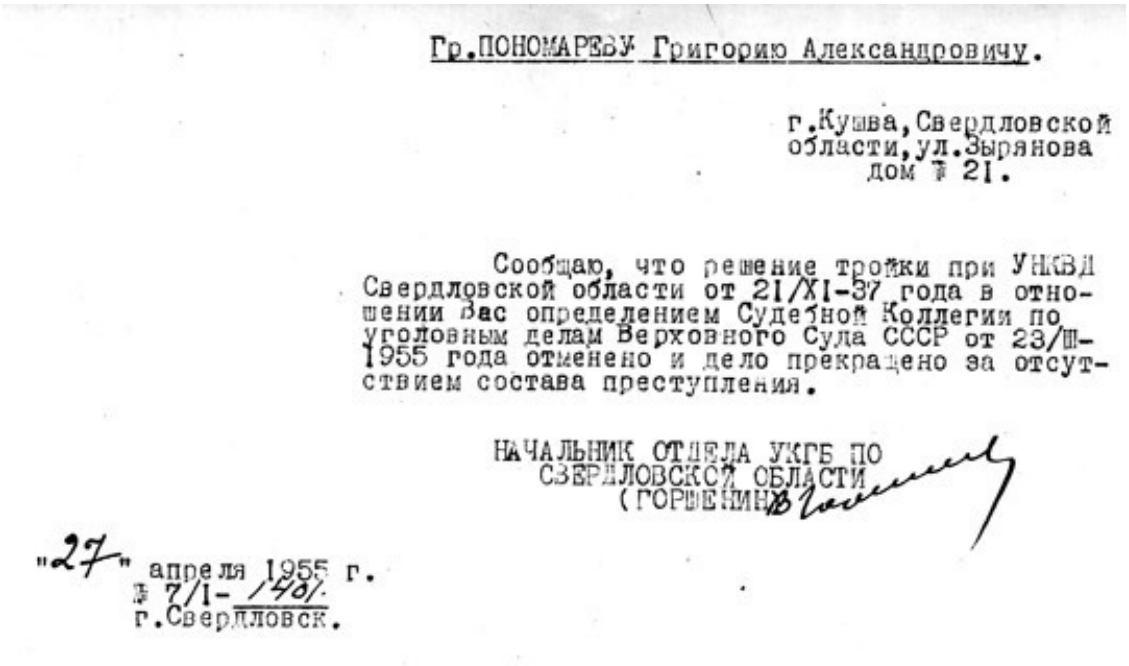
За отсутствием состава преступления Судебная коллегия по делам Верховного суда **отменила** постановление тройки УНКВД от 21 ноября 1937 года, по которому Пономареву Григорию Александровичу вынесли обвинение как *«руководящему участнику фашистско-повстанческой организации церковников на Урале»* (из документов областного гос. архива – ***авт.***). В папках областного гос. архива по делу №… имеется официальная справка от 23 марта 1955 года, подтверждающая соответствующее решение Судебной коллегии. В справке указано: ***«****Судебной коллегией по делам Верховного суда СССР постановление тройки от 21. 11. 1937 г. отменено, дело прекращено за отсутствием состава преступления»* (из документов областного гос. архива – ***авт.***).

«Дело прекращено за отсутствием состава преступления». Мы никогда не будем знать всей глубины этой трагедии, но наша память должна зафиксировать все, что открыл нам Господь о жизни и подвиге исповедников веры, без вины осужденных и пострадавших даже до крестной смерти.

Заканчивая эту трудную главу, приведем еще один официальный документ. Это – справка от 30. 07. 1957 г. учетно-архивного отдела УКГБ при СМ СССР по Свердловской области, которая подтверждает, что в государственных архивах действительно имеется прекращенное архивно-следственное дело за номером 13027-55.

В справке так и написано: *«На проверяемого имеется прекращенное архивно-следственное дело № 13027-55».*

Итак, дело на Пономарева Григория Александровича прекращено за отсутствием состава преступления. 27 апреля 1955 года гражданину Пономареву Г. А. был выдан соответствующий документ за № 7/1-1401, которого нет среди документов гос. архива, но который до сего дня хранится в семье Пономаревых как самая дорогая реликвия.

Гр.ПОНОМАРЕВУ Григорию Александровичу.

г.Кушва, Свердловской области, ул.Зырянова дом № 21.

Сообщаю, что решение тройки при УНКВД Свердловской области от 21/XI-37 года в отношении Вас определением Судебной Коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 23/III-1955 года отменено и дело прекращено за отсутствием состава преступления.

НАЧАЛЬНИК ОТДЕЛА УКГБ ПО СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ
(ГОРШЕНИН)

"27" апреля 1955 г.
№ 7/1-1401.
г.Свердловск.

Гр. Пономареву Григорию Александровичу
г. Кушва, Свердловской области,
ул. Зырянова, дом № 21.

Сообщаю, что решение тройки при УНКВД Свердловской области от 21/XI-37 года в отношении Вас определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР от 23/III-1955 года отменено, и дело прекращено за отсутствием состава преступления.

Начальник отдела УКГБ
по Свердловской области Горшенин
27 апреля 1955 г. № 7/1-1401
г. Свердловск.

Крест у дороги

Какое ненастное, пасмурное утро!

Сегодня мы собрались посетить грустное место – место горечи и боли, очень значимое на нашей многострадальной екатеринбургской земле. Наверное, оттого, что этот день, 30 октября, назван днем скорби и печали…

На 12-м километре Новомосковского тракта под Екатеринбургом высится огромный, в несколько человеческих ростов, крест, рядом с которым раскинулся скорбный ряд мемориальных плит с высеченными на них именами расстрелянных здесь в 30-50-е годы XX-го века людей, подавляющее большинство которых были арестованы по ложному обвинению.

Имена восемнадцати тысяч арестованных, приговоренных к высшей мере наказания (В. М. Н.), увековечил русский православный Крест.

Мемориал – это не просто место расстрела, но и общая братская могила, в которой захоронены многие люди, расстрелянные и замученные в то страшное время. Среди убиенных особенно много служителей церкви, по которым безжалостно прошлась секира государственного террора. Здесь же в числе многих других покоятся и некоторые осужденные в 1937 году по делу № 16527.

Как тяжело находиться здесь. Земля, омытая слезами и политая кровью тысяч страдальцев, все еще хранит те пронзительные боль и ужас, которые они испытали, стоя на краю могилы. Их крестная смерть никогда не забудется. Их имена не сотрет время.

Подойди, прислонись к любому взрослому дереву, впитавшему через свои корни стоны и крики этих несчастных, – оно поведает тебе их скорбь и ужас.

Мы верим, что души праведников упокоились в райских чертогах, возвратившись в свое Небесное Отечество. Мы слышим их тихую песнь Господу: *«Плоть моя упокоится в уповании, ибо Ты не оставишь души моей в аде и не дашь святому Твоему увидеть тления» (Деян. 2; 26-27).*

Мемориал, созданный в 1996 году, – это наша вечная память, наше искреннее покаяние, наша неумолкающая молитва…

Два раза в год среди этих скорбных надгробий, увенчанных Крестом, на котором был распят Спаситель мира, проходят поминальные службы по убиенным.

Эти памятные дни – 30 октября и Троицкая Родительская суббота.

Мы никогда не забудем вас, дорогие братья и сестры, пострадавшие за веру Христову даже до смерти.

Царство вам Небесное, дорогие страдальцы!

«Со святыми упокой, Христе Боже, души раб Твоих».

Детство и юные годы отца Григория

Февраль, как всегда в Шадринске, был не столько холодный, сколько ветреный и вьюжный. Небольшой, но известный своими традициями, этот зауральский городок в те времена входил в Челябинскую область.

Протоиерей Александр Пономарев, настоятель одного из шадринских храмов, и его супруга Надежда ждали прибавления в семействе. Старшие дети были уже довольно большими: Нине – четырнадцать лет, Марусе – одиннадцать, Алексею – шесть.

Матушка Надежда – словно цветок орхидеи, так же прекрасна и хрупка. Рождения ребенка ждали с некоторым беспокойством: выдержит ли матушка? Но родители уповали на волю Господа. Если Господь благословляет рождение младенца, значит, это Ему угодно. Не нам судить о промысле Божием. Надо только молиться, чтобы рождение было благополучным.

В канун праздника святителя Григория Богослова, когда отец Александр уже служил всенощную, матушка, по нездоровью оставшаяся дома, почувствовала приближение родов. Девочки Нина и Маруся побежали за акушеркой, и в ночь на праздник святителя Григория Богослова, 7 февраля 1914 года, родился мальчик. Маленький, но крепкий, он так энергично заявил о своем появлении на свет Божий громким криком, что все окружающие, возблагодарив Господа, поспешили сообщить батюшке, что молитвы его услышаны: матушка Надежда благополучно разрешилась, и у отца Александра теперь появился второй сын. Самочувствие обоих нашли вполне удовлетворительным. Новорожденного в день святого Григория Богослова, архиепископа Константинопольского, было решено назвать его именем.

Шли годы, малыш рос здоровым и некапризным. Много времени с ним проводили матушка и сестры. Ребенок незаметно и органично впитывал в себя интересы и образ жизни семьи. Особенно заметна была для окружающих проявлявшаяся у него любовь к храму. В четыре года маленький Григорий уже помогал отцу Александру (конечно, по своим детским силенкам).

Позже отец Григорий вспоминал о том, как его спрашивали: «А какие у тебя были игрушки?».

– Да мне и не очень хотелось играть… Вот помню лошадку на палочке. Я хотел доскакать к Руслану и Людмиле, а еще в Киевскую Лавру и в Дивеево…

В пять лет Григорий много уже знал о Господе Иисусе Христе и Его святых угодниках, знал молитвы и с удовольствием учился читать русские и славянские тексты.

Отца Александра вскоре перевели в Екатеринбург, где он служил в большом соборе, стоявшем на месте нынешнего Дворца культуры Визовского завода. Семья переехала вместе с ним. Хорошо, что девочки стали уже совсем взрослыми. Они оказались хорошими помощницами матушке, которая старалась не показывать свою слабость и тающее здоровье.

Вот и Нина уже невеста, и Маруся так повзрослела… Дай им, Господи, счастливой жизни! Алеша вытянулся и стал похож на отца, а Гриша… Это какой-то странный ребенок! Ни детских капризов, ни особых шалостей. Все больше бывал с папой в храме, и как-то незаметно выяснилось, что он уже умеет читать по-церковнославянски и образцово знает порядок службы. Все окружающие, и особенно соседи, полюбили этого не по возрасту серьезного синеглазого мальчонку.

Первое горе, поразившее сердце Гриши, – смерть их соседа дяди Семена, который очень любил общаться с мальчиком, часто что-то рассказывал, вырезал ему из дерева забавных медвежат и зайчиков. Тетя Катя, его жена, всегда старалась угостить Гришу чем-нибудь вкусным.

Теперь тетю Катю узнать было невозможно: все плачет и плачет. Часто ходит на Ивановское кладбище, где похоронили дядю Семена; почти ни с кем не разговаривает и, исчезая на весь день, совсем редко бывает дома. Беспокоило отца Александра и то, что Катерина, буквально все забыв, не бывает даже в церкви, а все сидит или даже лежит на могиле мужа.

Прошло время. Вот и сорок дней миновало. Поздняя угрюмая уральская осень овладевает всем. Но Катерину этим не проймешь. С утра уходит и возвращается уже в сумерки, вся

заплаканная и измученная… Так наступил один из последних дней осени, когда еще нет снега, но первые морозы уже прихватили землю.

Колючий, ледяной ветер срывает одежду, добираясь до тела, приводя его в дрожь своим уже зимним дыханием. Чернота застывающей земли наводит мрачные мысли. Катерина, не обращая внимания на непогоду, невзирая на доводы и убеждения духовного отца, совершает свои ежедневные походы на кладбище. Даже своего любимца Гришу почти не замечает…

Однажды поздним вечером, когда батюшка пришел со службы, он заметил, что окна соседнего дома, где живет Екатерина, темны. Где она? Родители переглядываются с беспокойством, да и маленький Григорий переживает что-то свое, непонятное… Они видят, как мальчик встает на колени в передний угол перед иконами. И вдруг – как крик души: «Папочка, родненький! Скорей запрягай жеребчика! Давай, давай поедем! Надо спасать тетю Катю!». Отец Александр и сам чувствует, что такое долгое отсутствие соседки не случайно. Но куда ехать? Где искать?.. Мальчик почти кричит:

– Давай быстрее, тетя Катя может погибнуть…

Отец Александр посадил уже одевшегося Гришу в повозку, сел сам и направился на кладбище Ивановской церкви, где почти «поселилась» Катерина.

– Не туда, папочка, не туда! Скорее езжай за Широкую речку, на болота. Скорее, ну скорее же!

Невольно повинуясь внутренней силе и убежденности своего пятилетнего сынишки, батюшка направляет лошадь в нужную сторону. Вот уже не видно и последних городских огоньков, миновали и новое Широкореченское кладбище. Дорога, отвердевшая от холодов, позволяет легко двигаться по болотистой местности. Ничего не видно, почти ничего. В душу медленно заползает леденящий ужас. Батюшка не перестает творить Иисусову молитву.

Отдельные, исхлестанные ветром кусты, корявые пни, омертвевшая зыбь… И вдруг вдали какое-то движение. Или это рябит в уставших глазах? Гриша стоит и дышит в ухо отцу. «Вот-вот, вот же она… Или они?» Он делает странное судорожное телодвижение и жмется к отцу. Жеребчик неожиданно храпит и упирается. На фоне почти стемневшего неба по застывшей земле без дороги движутся две фигуры. Один силуэт женский: в платке и коротком жакете (очень знакомая фигура)… А второй? Широкий, приземистый контур прикрывает собой Екатерину. Идут… Идут в темень, в неизвестность, в никуда…

И тут Гриша своим звонким детским голоском неожиданно даже для отца Александра закричал:

– Тетя Катерина! Тетенька Катя! Остановись! Господом Богом нашим Иисусом Христом тебя прошу!

И… о чудо! Внезапная вспышка света, широкая мужская фигура исчезает, и вконец испуганная, рыдающая Катерина подбегает к возочку отца Александра. Увидев его и Гришу, она падает в ноги мальчику и священнику. Бледная, со следами смертельной белизны в лице, она целует Гришу, целует руки батюшки Александра и не может вымолвить ни слова. Ее только бьет дрожь и содрогает икота от нервных спазматических рыданий. Вот такую они и привозят ее домой. Матушка Надежда оказала ей первую помощь, и наконец пришедшая в себя женщина рассказала:

– Я уже с неделю или чуть больше стала замечать: стоит только свечереть, как к Семеновой могиле подходит этот мужик. Такой вежливый, участливый. Меня все утешает и как-то мудрено говорит, а мне вроде и легче становится. Я последние дни стала даже ждать, что он подойдет. Сегодня он пришел опять и все говорил, говорил… Я чувствую, темнеет уже, пора возвращаться, и вдруг слышу его слова: «Ну, пора, Катерина, пойдем». И я как неживая, послушная ему, иду, куда он ведет, хотя чувствую, что вроде совсем из города выходим, да и ноги не идут, а воли моей нет! И только думаю: имя-то мое откуда он знает? Мы уже к болоту подошли. Огней городских не видно… А он все говорит и говорит, и я иду за ним

как по приказу. И тут крик Гришеньки! Его ангельский голосок: «Тетя Катерина! Ради Господа нашего Иисуса Христа, остановись!». Как только он прокричал Имя Господа, этот мой спутник вдруг остановился как вкопанный, что-то сверкнуло и… его разорвало! И дух такой зловонный пошел.

Она вновь содрогается от воспоминаний.

Сильно переболев, Катерина, по молитвам всей семьи Пономаревых, пришла в себя. Она осознала, что, заведи ее бес в болотные дебри, погибла бы ее христианская душа, если бы не бесконечная милость Господа, вложившего в ум, сердце и уста маленького мальчика ее спасение. Как поддалась она на бесовские уловки? Вместо того чтобы молиться в храме за упокой души мужа, заказать сорокоуст и читать псалтирь, она лежала в каком-то отупении на его могиле и чуть не стала легкой добычей дьявола. Спас ее Гриша, ее любимец, сынок протоиерея Александра Пономарева, мальчик, которому Господь определил многое совершить в жизни.

***

Годы шли… Гришеньку уже называли Гришей, Григорием. Учиться в школе он не имел возможности – после революции детей духовенства не принимали в школы. Тогда отец Александр, блестяще образованный человек (он имел два высших образования: медицинское и духовное), составил план обучения сыновей, в который входили и общеобразовательные дисциплины, и духовное образование. Только на уроки по математике, химии и физике мальчики ходили к частному преподавателю.

Григорий очень серьезно и углубленно стал изучать полный курс Духовной Семинарии, одновременно помогая отцу в церкви: знание церковной службы выручало. Лет в тринадцать-четырнадцать он уже мог участвовать в службе в качестве псаломщика и, если надо, сам пел в хоре. Правда, голос, еще не прошедший мутацию, иногда давал срыв, к его великому смущению, и вызывал милые смешочки девочек Увицких – Ольги и Нины, которые пели в хоре этого же храма.

Ох уж эта Нина – Ниночка Увицкая! Тоненькая, сероглазая, она не выходила у него из головы. Они ведь знали друг друга еще малышами, затем знакомство на время прервалось, и вот теперь они, уже подростки, познакомились, можно сказать, вновь.

К шестнадцати годам Григорий твердо знал, что его жизнь и труды должны быть связаны с Православной Церковью. Если Господь сочтет его достойным, он будет служителем Церкви. Где-то еще присутствовала далекая мысль, появившаяся в детстве – уйти в монастырь, стать монахом. Этот духовный подвиг неудержимо привлекал к себе юношу. Но вот Ниночка! Много раздумий, колебаний… В конце концов, он же не знает, как она к нему относится…

«Пусть все будет по воле Твоей, Господи!»

Прошло еще несколько беспокойных лет. Революция ломает планы, намерения людей. Девочки Пономаревы первые покинули родное гнездо. Сначала старшая – Нина, а потом и Мария.

В 1929 году, согласно прошению и по благословению Преосвященного епископа Шадринского Валериана, Григорий Пономарев становится псаломщиком, чтобы служить вместе с отцом в различных храмах Екатеринбургской епархии.

Время пришло неспокойное, постоянно что-то менялось в жизни, поэтому их часто переводили с прихода на приход. В 1932 году они жили в городе Невьянске Свердловской области и служили в маленькой Вознесенской кладбищенской церкви, единственной действующей в городе, стоявшей на берегу пруда. Невьянск – тихий, спокойный, провинциальный городок, у которого есть своя достопримечательность – падающая башня. Эта башня была построена еще

Демидовыми[3] на железоделательном заводе (как тогда его называли) и располагалась недалеко от пруда. Очевидно, грунтовые воды подмыли тяжелое сооружение, но оно не рухнуло, а лишь наклонилось, да и осталось таким до нынешних времен.

Духовный рост Григория шел очень быстро. В юные годы это был уже сложившийся молодой человек, имеющий свои замыслы, цели, задачи. Он много читал, стол его был заложен трудами Василия Великого, Григория Богослова, Феофана Затворника, Иоанна Кронштадтского. Он не только умом, но душою проник в Библию и много почерпнул из нее, духовно осознавая святость и величие этой Богоданной Книги.

***

Жизнь становилась все беспокойнее. Разговоры о том, что арестовывают и ссылают духовенство, с каждым днем подтверждались.

Матушка Надежда, имея слабое здоровье, совсем сдала. Поначалу она бодрилась, не подавала вида, но от любящих мужа и сына правду не скрыть. Теперь она окончательно слегла. Отец Александр и Григорий пламенно молились о ее здоровье, но внутренне готовили себя к самому плохому. Как знать, что лучше? Возможно, Господь хочет уберечь ее от предстоящих тяжелых страданий за мужа и сына? Все происходит по Его святой воле. Она успела исповедаться и причаститься, благословила своего младшенького и заочно всех старших детей, и душа ее мирно отошла ко Господу.

Осиротела семья Пономаревых. Протоиерей Александр и Григорий мужественно несли свое горе, проводя заупокойные службы и в храме, и на могилке матушки, прямо за алтарем Вознесенской церкви. Как заботливые родные, склонили над свежим могильным холмиком свои ветви две ракиты и белоствольная березка. Их трепетные листочки ласково прикасались к лицам отца Александра и Гришеньки. «Господи! Помоги вынести тяжесть разлуки с любимым человеком. Дай нам благодать встречи в мире ином, где нет ни горя, ни скорби, ни страданий…»

[3] **Демидовы** – русские заводчики и земледельцы, род которых идет от тульских купцов (XVII-XIX века); основатели более 50 заводов, выпускавших более 40% чугуна в стране.

СВИДЕТЕЛЬСТВО

Настоятель Свято-Троицкой церкви города Миасса Челябинской Обл. иеромонах Ираклий Пономарев по представлению Нашему Его Святейшеством, Блаженнейшим Сергием, Митрополитом Московским и Коломенским за усердное служение Церкви Божией в дни Св. Пасхи 1935 года награждается саном игумена, в каковую степень нами и возведен сего 19-го декабря 1934 г. за Божественной Литургией в Свердловском Св. Духовском Кафедр. Соборе, о чем и дано настоящее свидетельство за надлежащей подписью и приложением Архиерейской печати.

Смиренный Московский Екзархийский Свердловский Епископ

Свердловск

Шех. № Московской Патриархии

декабря 19 дня 1934 года.

СЕКРЕТАРЬ Свердловского Епархиального Архиерея

№ 919.

Вот увели отца Михаила Оранского, батюшку Иоанна Покровского… Прошел слух, что забрали священника Сергия Увицкого. «Господи! Как там Нинонька?» Протоиерей Александр Пономарев после смерти жены принимает монашеский постриг с именем Ардалион и далее служит настоятелем Миасской Свято-Троицкой церкви. 19 декабря 1934 года иеромонах Ардалион был награжден саном игумена. Сохранился документ, свидетельствующий об этом:

«Настоятель Свято-Троицкой церкви города Миасса Челябинской области иеромонах Ардалион (Пономарев) по представлению Нашему Его Святейшеством, Блаженнейшим Сергием, Митрополитом Московским и Коломенским, за усердное служение Церкви Божией ко дню Святой Пасхи 1935 года награждается саном игумена, в каковую степень нами и возведен сего 19-го декабря 1934 года за Божественной Литургией в Свердловском Свято-Духовском Кафедральном Соборе, о чем и дано настоящее свидетельство за надлежащей подписью и приложением Архиерейской печати. Смиренный Макарий, Архиепископ Свердловский и Челябинский».

По рассказам отца Григория, некоторое время после пострига отец Ардалион жил в монастыре. Однако вскоре монастырь был разорен и игумен Ардалион вновь вернулся в маленький домик в Невьянске, где жил и служил псаломщиком в храме его сын Григорий. Но это ненадолго. В середине 30-х годов отец Ардалион пропал без вести и все сведения о нем оборвались. Что говорить о годах сталинских репрессий, если даже во времена «оттепели» дочь архимандрита Ардалиона Мария Александровна, приложившая много сил для выяснения дальнейшей судьбы отца, так ничего и не добилась! В 2005 году внучка архимандрита оформила новый запрос в Министерство внутренних дел Российской Федерации с просьбой предоставить родным сведения о судьбе Александра Ипполитовича, но ответ последовал следующий:

«Уважаемая Ольга Григорьевна! На Ваше заявление сообщаем, что ГИАЦ МВД России, ГУВД Свердловской области сведениями в отношении Пономарева Александра (Ардалиона) Ипполитовича, 1862 г. р., не располагают. Зам. начальника ОСЦ А. В. Бушуев***».***

В семье Пономаревых сохранились лишь отрывочные воспоминания об этом времени. Отец Григорий говорил однажды, что для архимандрита Ардалиона готовились документы о посвящении его в сан епископа, но репрессии тех лет помешали осуществить замыслы церковноначалия. В семейном архиве сохранилась фотография студента Александра Пономарева в годы его обучения на медицинском факультете Томского университета. Более об этом факте из жизни архимандрита ничего не известно.

И только в августе 2006 года протоиерей Валерий Лавренов, настоятель Верхне-Пышминского храма Екатеринбургской епархии, по просьбе авторов книги предоставил архивную справку о трагических событиях, произошедших во второй половине 30-х годов XX-го столетия на Урале и связанных с судьбой архимандрита Ардалиона. Приводим ниже текст этой справки.

МИНИСТЕРСТВО
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
(МВД России)
Главный информационно-
аналитический центр
117418, Москва, ул. Новочеремушкинская, 67
19.07.05 № 34/12/3-22952ж

620085, г. Екатеринбург,
ул.Титова,
д.14, кв.5

О.Г. Пономаревой

Уважаемая Ольга Григорьевна!

На Ваше заявление сообщаем, что ГИАЦ МВД России, ГУВД Свердловской области сведениями в отношении Пономарева Александра (Ардалиона) Ипполитовича, 1862 г.р., не располагают.

Зам. начальника ОСЦ А.В. Бушуев

«Группа челябинского духовенства направила благочинного церквей Уфалейского района протоиерея Александра Можаева в Москву к митрополиту Сергию (Старогородскому) с прошением о назначении епископа в Челябинскую епархию. Митрополит Сергий ответил, что он уже направлял в Челябинск нескольких епископов, но власти отказывали им в регистрации. Он порекомендовал найти епископа на месте. Было решено пойти на уловку. Вначале зарегистрировать будущего кандидата настоятелем одной из церквей, а затем наградить саном епископа. Секретарь свердловского архиепископа протоиерей Павел Федорин посоветовал приглядеться к настоятелю Вознесенской церкви Невьянска игумену Ардалиону (Пономареву). После переговоров тот дал свое согласие. Поскольку единственный действующий храм Челябинска, Симеоновский, находился в ведении обновленцев, решено было кафедру Челябинского епископа разместить в Вознесенской церкви п. Касли. В феврале 1936 года причт и община Вознесенской церкви п. Касли избрали игумена Ардалиона своим настоятелем. Вскоре он выехал в Москву за утверждением. 1 марта 1936 года в Дорогомиловском соборе г. Москвы игумен Ардалион был возведен в сан архимандрита. По неизвестным нам причинам хиротония была отложена. 4 января 1937 года архимандрит Ардалион был арестован. 13 июня 1937 года постановлением Особого совещания при НКВД СССР приговорен к 5 годам лагерей. Реабилитирован в 1959 году».

***

В 1935 году, когда Григорию Пономареву исполнился двадцать один год, он служил в Невьянской церкви псаломщиком. Интерес к материальному положению Церкви со стороны государства в то время усиливался прямо пропорционально гонениям на духовенство. В этом году Григорий и получил благословение поступить (видимо, заочно) на бухгалтерские курсы, организованные в городе Одесса. Очевидно, от него потребовались профессиональные знания и навыки по ведению финансовых документов в храме (как это созвучно нашему времени!).

Эти сведения в полном объеме и получил молодой псаломщик. Такие понятия, как «вывод баланса за месяц», «оборотные ведомости Главной и Вспомогательной книг с генеральным балансом», «сборный Журнал с выборками по Мемориалу и Кассовому Журналу с шахматным балансом», отец Григорий не только тщательно изучил, он представил самостоятельные работы по этим темам как свидетельство о технических навыках в усвоенных им трех бухгалтерских системах.

Отрезок жизни Григория Пономарева, связанный с его учебой в Одессе, остался неизвестным для полного описания. Сохранилась лишь справка-отзыв автора «Уроков бухгалтерии», выданная Григорию Александровичу 28 апреля 1935 года за номером 38837. Вот полный текст документа:

АВТОР РУКОВОДСТВ
ПО
БУХГАЛТЕРИИ
--:::--
Э.С.ГАЛЬПЕРИН
.28 АПР.1935.
№ 38837
г.Одесса.
--:::--

О Т З Ы В.

Настоящий отзыв выдан мною Григорию Александро. Пономареву в том, что им представлены мне для проверки следующие самостоятельные работы по бухгалтерии по заданным в моих руководствах темам для проверочного испытания, а именно:

I. Записи за месяц по американской системе с выводом баланса за месяц.

II. Записи за месяц по обыкновенной итальянской системе с проверочным балансом (оборотной ведомостью).

III. Записи за месяц по улучшенной итальянской системе с оборотными ведомостями по Главной и Вспомогательной книгами с генеральным балансом.

IV. Сборный Журнал за месяц по немецкой системе с выборками по Мемориалу и Кассовому Журналу с шахматным балансом.

Представленные работы свидетельствуют, что основы двойной бухгалтерии по американской и итальянской системам равно, как и технические навыки по этим системам усвоены им (Григорием Александровичем Пономаревым) вполне удовлетворительно.

АВТОР Э.С. Гальперин

«Настоящий отзыв выдан мною Григорию Александровичу Пономареву в том, что им представлены мне для проверки следующие самостоятельные работы по бухгалтерии по заданным в моих руководствах темам для проверочного испытания, а именно:

1. Записи за месяц по американской системе с выводом баланса за месяц.

2. Записи за месяц по обыкновенной итальянской системе с проверочным балансом (оборотной ведомостью).

3. Записи за месяц по улучшенной итальянской системе с оборотными ведомостями по Главной и Вспомогательной Книгам с генеральным балансом.

4. Сборный Журнал за месяц по немецкой системе с выборками по Мемориалу и Кассовому Журналу с шахматным балансом.

Представленные работы свидетельствуют, что основы двойной бухгалтерии по американской и итальянской системам равно, как и технические навыки по этим системам, усвоены им (Григорием Александровичем Пономаревым) вполне удовлетворительно.

Автор Э.С. Гальперин».

О том, что отец Григорий освоил теорию и практику ведения финансово-бухгалтерских документов по трем(!) системам (американской, итальянской и немецкой), знает мало кто из родных и близких, а тем более – из духовных чад батюшки.

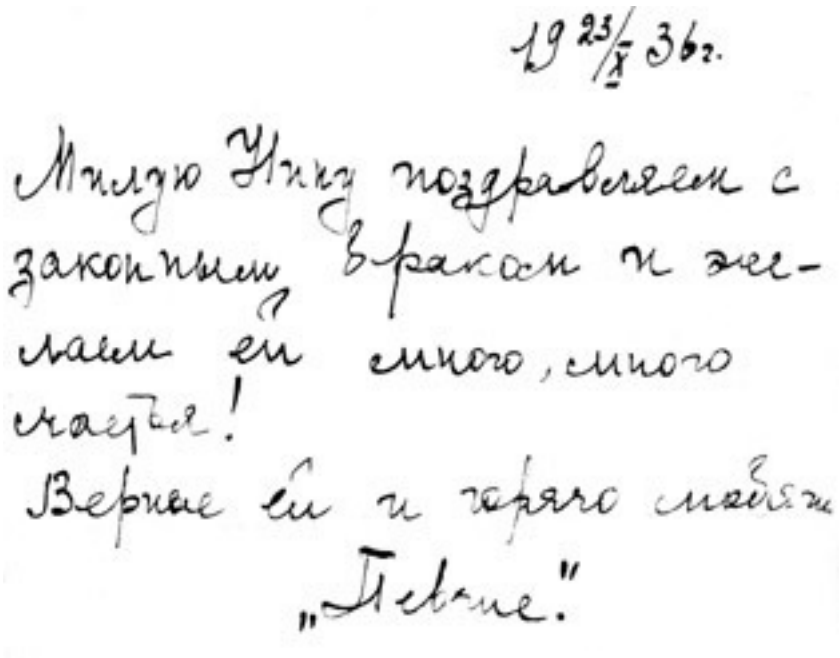
***

Все духовенство России жило в сильнейшем напряжении. Тяжелый моральный груз лег на плечи юного псаломщика. Недавно умерла матушка Надежда, а вскоре последовал арест архимандрита Ардалиона. Григорий остался один, и только молитва, к которой он был приучен с колыбели, и вера в Господа помогли ему не сломаться. Он трудится в храме, продолжает много читать, начал учить иврит. На душе тяжело – ведь он еще так молод. Но вот светлый луч озаряет его одинокую жизнь. В Невьянск приезжают сестры Увицкие. Это уже взрослые девушки, такие близкие по духу.

Семью Увицких тоже разметало время. Старший сын Михаил женился и жил со своей семьей. Матушка Павла Ивановна после ареста мужа постоянно находилась с младшим сыном Николаем, а девочки, будучи дочерями «врага народа», лишились работы. Не имея возможности заработать на кусок хлеба, по благословению настоятеля и по приглашению старосты Невьянского храма Татьяны Романовны, хорошо знавшей всех Увицких, они приехали в Невьянск и стали петь в церковном хоре, где служил псаломщиком и Григорий. Детские и юношеские симпатии и привязанности возобновились у повзрослевших уже друзей, и 23 октября 1936 года Григорий Александрович Пономарев сочетался законным браком с девицей Ниной Сергеевной Увицкой. Две семьи, дружившие много лет, теперь породнились.

Октябрь стал для них судьбоносным месяцем: в октябре они поженились, в октябре день рождения Ниночки, в октябре его арестуют, и через много лет в одну из октябрьских ночей они вместе отойдут ко Господу.

Свадьба была светлой и радостной. Съехались немногие родные, было много улыбок и теплых поздравлений. Певчие Вознесенского храма, «верные ей и горячо любящие», написали «милой Нине» на небольшом листочке трогательное поздравление с законным браком, желая ей «много, много счастья!». Это поздравление матушка Нина хранила до конца своих дней в своей заветной шкатулке.

1923/X 36г.

Милую Нину поздравляем с законным браком и желаем ей много, много счастья!

Верные ей и горячо любящие

„Певчие."

А какой это был замечательный день!

Переливаясь всеми цветами золота, бронзы и пурпура, деревья при ветре осыпали молодых дождем из листьев. Небо, какое бывает только осенью, в редкие солнечные дни октября, глубокое и голубое, почти синее, подчеркивало красоту этого блистающего дня, одного из последних перед наступлением ненастья. Один день, который как будто завершал лето, отдал им всю накопленную красоту: «Возьмите! Пусть это навеки останется в вашей памяти как дар!».

Молодые супруги Пономаревы поселились в маленьком домике, в котором еще недавно жил Григорий Александрович вместе с отцом. Жизнь шла своим чередом. Молодая чета трудилась в храме. Он – псаломщиком, а она – в церковном хоре, на клиросе.

А менее чем через год, двадцатого августа 1937 года, Григорий подал прошение на имя Блаженнейшего Сергия, Митрополита Московского и Коломенского, с покорнейшей просьбой, чтобы его удостоили посвящения в сан диакона. Текст этого документа сохранился в архиве семьи.

Его Блаженству, Блаженнейшему Сергию, Митрополиту Московскому и Коломенскому

Псаломщика Вознесенской кладбищенской
г. Невьянска церкви, Свердловской епархии
Григория Александровича Пономарева

Прошение

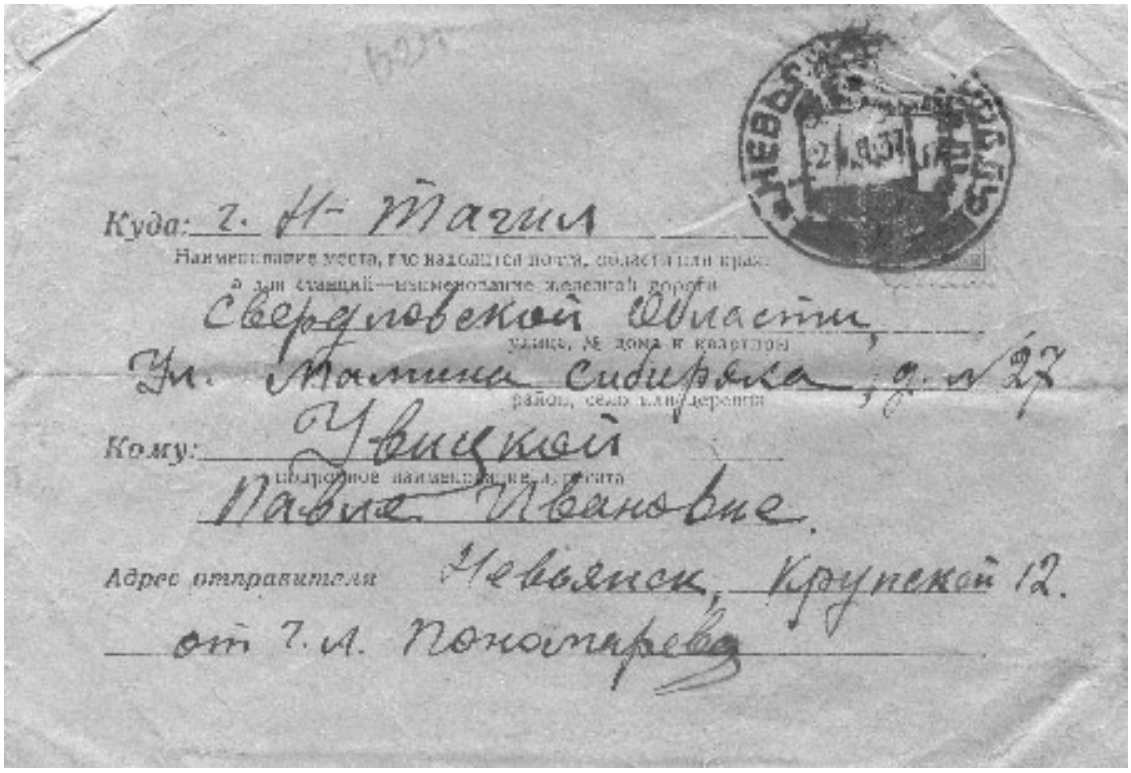
Я, нижеподписавшийся, родился в 1914 г.; сын протоиерея, образование получил домашнее, в объеме прежней Духовной Семинарии. Будучи 16 лет от роду, возымел крепкое желание посвятить себя на служение Церкви Божией, и с благословения преосвященного Валериана, епископа Шадринского, временно управлявшего Свердловской епархией, стал служить псаломщиком в пределах Свердловской епархии. С указанного времени и по настоящее время служу на православном приходе. В продолжение всего моего служения по милости Божией оставался верным сыном Святой Православной Церкви, не уклоняясь ни в какие церковные течения, как-то: обновленчество, григорианство. Стремясь всем сердцем к тому, чтобы как можно больше приносить пользы Святой Православной Церкви, и памятуя слова Священного Писания: «Благо есть мужу егда возмет ярем свой от юности своей», я желаю посвятить все свои молодые годы и силы Церкви Божией, а потому покорнейше прошу Вас, Блаженнейший Владыка, удостоить меня посвящения в сан диакона, чтобы я в этой новой для меня должности больше бы имел возможности все свои силы и способности проявлять и отдавать на пользу Святой Православной Церкви.

К сему прошению подписуюсь: псаломщик
Григорий Александрович Пономарев, 20 августа 1937 г.

5 сентября 1937 года состоялась поездка Григория и Нины Пономаревых в город Сарапул, в котором временно управляющий Свердловской епархией Высокопреосвященнейший архиепископ Сарапульский Алексий за Божественной Литургией в Георгиевском храме рукоположил псаломщика Пономарева Григория Александровича в сан диакона. Какая радость для молодой семьи! Немного трудновато сегодня Ниночке, которая всегда рядом – она вот-вот должна родить. Думали, что ей надо остаться дома, но разве она может пропустить столь важное событие в их жизни! Ничего. Господь поможет. Радость их безгранична. Они возблагодарили Господа за начало священнического пути отца Григория. А 21 сентября – новые волнения. У них родилась дочка.

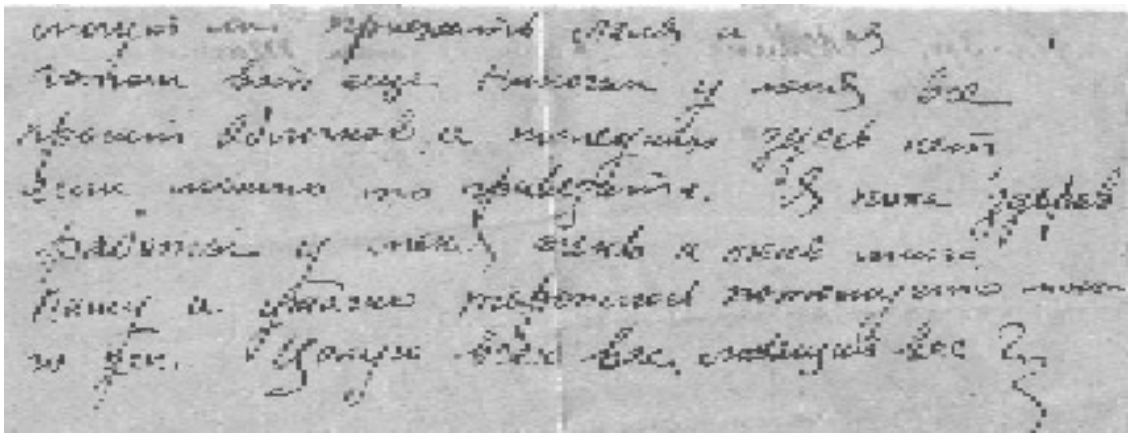
Поздравления сыплются на молодую семью. Поздравления с рукоположением в диаконский сан и поздравления с рождением малышки. Как больно, что эту радость не могут разделить с ними родители отца Григория и пребывающий в заключении отец матушки Нины протоиерей Сергий Увицкий…

Чудом сохранилось дошедшее до наших времен письмо отца Григория, написанное им 24 сентября 1937 года в Нижний Тагил маме матушки Нины – Павле Ивановне Увицкой. В нем всё – и радость, вызванная рождением дочери, и нежная любовь к дорогой супруге, и трогательная забота о здоровье обеих…

Куда: г. Н-Тагил
Наименование места, где находится почта, область или край
и ближайшей железной дороги
Свердловской области,
улица, № дома и квартиры
Ул. Тагилка Сибирская, д. № 27
район, село или деревня
Кому: Увицкой
фамилия, имя и отчество адресата
Павле Ивановне.
Адрес отправителя Невьянск, Крупской 12.
от т. Пономарева

24/IX-37г. Милые и дорогие мои Тагильцы!
24/IX в 2 часа дня моя благоверная благополучно разрешилась от бремени, родилась девочка славная такая черноволосая, и крепкая такая. Вот поздравляю вас с новым членом, появившемся в нашей семье. Если Нинусенька будет себя хорошо чувствовать то ее выпишут из больницы числа 26/IX Моя, покорнейшая, просьба, если только сможно, Павла-Ивановна не откажите ли вы приехать к нам к 26 числу, меня дома совершенно почти не оставляет, а на первых порах Нинушку боюсь оставить одну. Крестить думаем числа 30 напишите

«Милые и дорогие мои тагильцы!

21/IX в 2 часа дня моя благоверная благополучно разрешилась от бремени, родилась девочка славная такая, черноволосая и крепкая… Поздравляю вас с новым членом, появившимся в нашей семье. Если Нинусинька будет себя хорошо чувствовать, то ее выпишут из больницы числа 26/IX. Моя покорнейшая просьба, если только можно, Павла Ивановна, не можете ли Вы приехать к нам к 26 числу? Меня дома совершенно почти не бывает, а на первых порах Нинчинку боюсь оставить одну. Крестить думаем числа 30 октября. Напишите, могут ли приехать Леля и Коля. Потом вот еще. Ниночка у меня все просит яблочков, а последних здесь нет. Если можно, то привезите. Я пока здоров, работы у меня очень и очень много. Пишу и ужасно тороплюсь, потому что много дел.

Целую всех вас, любящий вас Гриша. 24/IX-37 г.».

30 октября, когда маленькой Леле исполнилось 40 дней, счастливые родители принесли ее в храм для Святого Крещения. И в этот же день, октябрьским вечером, молодого диакона Григория Пономарева арестовали, предъявив ему в качестве обвинения действия, означенные в 58 статье УК РСФСР. Он причислялся к категории арестантов как «служитель культа». Его увели. Куда? Вероятно, в СИЗО, а потом… Трудно сказать, что будет потом.

Опять в их жизни октябрь…

Спас Нерукотворный

Сохрани мя Господи из руки грешничи, от человек неправедных изыми мя…
Пс. 139

Ночь прошла в слезах и молитвах. Малышке передавалось состояние матери: она постоянно просыпалась, возилась, долго не успокаивалась. Утром, оставив ребенка у близкого их семье человека – старосты невьянского храма Татьяны Романовны – Ниночка, теперь матушка Нина, побежала в милицию.

Все в одном здании: и милиция, и прокуратура, и следственный отдел. Кругом суета, запах хлорки, клубы табачного дыма. Никто толком ничего не знает о судьбе дорогого матушке человека. По разным кабинетам снуют безразличные к чужой беде люди, которые по большей части просто отмахиваются. Наконец один старик – дежурный или вахтер, узнав, кого она ищет, почти радуясь, ядовито изрек:

– Что, думаешь, он один тут такой? Вот наберем партию вашего брата, ну и еще кого по другим статьям, и отправим в Свердловск, там разберутся. А пока – у нас. Держать-то их есть где, подвалы демидовские…

И на мгновение, поверив в свою значимость, злобный старик осклабился, обнажая гнилые, черные зубы под прокуренными усами; после чего добавил:

– Иди, иди, а то и тебя заберем, тоже ведь враг народа.

И непонятно прозвучала эта угроза: то ли в шутку, то ли всерьез.

Окунувшись в чужую, страшную жизнь, где теперь оказался и ее муж, она, совершенно разбитая, забежала к Татьяне Романовне покормить малышку и поспешила в храм.

В маленьком городке слухи распространяются моментально. Уже все знали, что увели отца диакона. Почти одновременно прошел леденящий слух о том, что где-то в области на днях забрали из дома молодого священника, а к вечеру двое в штатском пришли за его беременной женой. Через пару дней ее мертвое поруганное тело нашли в овраге за огородами.

Еще утром матушка Нина отправила в Нижний Тагил письмо о тяжелых событиях в их семье. Она просила брата Николая приехать в ближайший выходной в Невьянск и забрать их с малышкой. Но, посоветовавшись с Татьяной Романовной, она решила не дожидаться воскресенья и в эту же ночь с соседней станции уехать к маме в Тагил. Но до ночи еще надо было дожить.

Татьяна Романовна пошла проводить Нину домой… Распахнутые настежь ворота их домика раскачивал ветер. В собачьей конурке, где жила прибившаяся к ним прошлой осенью дворняжка, – тишина. В глубине конуры, к которой ведет кровавый след, – мертвое тельце собаки. Что им стоит? Ткнули в бедное животное поленом – и все. Кухонное окно дома разбито, но висячий замок на входных дверях на месте. Или спугнул кто? Внутри, кажется, ничего не тронуто, но волна ужаса охватила обеих женщин… Они вдруг осознали, что до ночного поезда Нине с ребенком спрятаться негде. Первой, у кого начнут искать, будет Татьяна Романовна, да и городишко так мал, что все на виду, не скрыться.

Они собрали самое дорогое: венчальные иконы, венчальные свечи и фату, Евангелие маленького формата, принадлежащее архимандриту Ардалиону, детские вещи. Набрался небольшой узелок: его – в одну руку, малышку – в другую. Все остальное: церковные книги, иконы, фотографии – унесет к себе Татьяна Романовна и спрячет до лучших времен.

Женщины, упав на колени перед образом «Нерукотворного Спаса», фамильной иконой рода Пономаревых, вознесли Богу свои пламенные молитвы о спасении отца Григория и матушки Нины с малышкой. Они верили, что Господь не оставит их. Надо только что-то придумать… Татьяна Романовна отыскала во дворе старые доски и наспех забила все окна крест-

накрест, создавая впечатление оставленного дома. Ничего, до ночи Нина с дочкой пересидят в холодном, нетопленом чулане – еще не зима.

Выходя из дома, Татьяна прикрыла входную дверь, повесила замок… Вид у домишки совсем нежилой. Татьяна вынесла из дома икону Нерукотворного Образа. Внимательно оглядевшись, она прислонила ее почти к земле недалеко у ворот, забросала икону сухими осенними листьями и ветками. Вышла на улицу, не закрывая калитку…

Первый снег, в помощь задуманному, сыпал во двор легкую снежную крупу, вслед которой падали уже большие мокрые хлопья. Снег прикрыл Татьянины следы во дворе, ветер намел снежный бугорок на икону. Уже в полной темноте она ушла, оставляя на Божие произволение семью отца диакона, чтобы вернуться ночью.

Матушка Нина вместе с малышкой спрятались в «брошенном» доме. Они притаились в темном чулане и уповали только на защиту святой иконы – Нерукотворного Образа Спаса нашего Иисуса Христа. Все же какую сильную веру надо иметь, чтобы до конца, до последнего вздоха так довериться Господу! Довериться, веря в силу Его чудотворной иконы, которая невидимо, но сокровенно, лучше всяких замков ограждала их домишко от опасности.

До глубокой ночи творя Иисусову молитву и читая «Живый в помощи…», Нина молила Господа, чтобы ее дочурка не раскапризничалась и плачем не привлекла бы незваных гостей.

Порой матушке слышались какие-то шаги, шум. Раскрытая калитка надрывно скрипела, сотрясаемая ветром… Но вот напряженный слух Нины уловил шорох знакомых шагов. Она услышала звуки открывавшейся двери, и в слабом свете дверного проема появилась долгожданная Татьяна Романовна. Дрожащим голосом она поспешила предупредить о своем появлении. Эта добрая, простая женщина, наверное, даже не понимала, какой, в сущности, она совершает христианский подвиг.

– А знаешь, Ниночка, на улице-то, у ваших ворот, столько свежих следов! Словно дойдут до ворот, а во двор им хода нет. Снег-то во дворе так и лежит – ни следочка на нем. Господь вас хранит. Давайте, дорогие мои, собирайтесь. С Богом. Сейчас провожу вас и посажу на поезд – я уж и билет купила. Потом вернусь за иконушкой и спрячу ее. Ты не тревожься, Нина, Господь сохранит вас.

На холодном, насквозь продуваемом перроне – ни души. Поезд как бы нехотя притормаживает здесь на две-три минуты, чтобы вновь начать свой путь. Неуклюже скользя по мокрому снегу, женщины, задыхаясь, добежали до означенного в билете вагона. Нина с малышкой торопливо взобралась на высокие ступени поезда. Поезд сердито запыхтел и тронулся. Кажется, опасность миновала… Татьяна, перекрестив беглецов, еще долго смотрит им вслед. Затем все потонуло в снежной ночной мгле…

***

Трагические события, случившиеся с молодой семьей, произошли стремительно. Родные с ужасом слушали приехавшую утром Нину. Она рассказала им об аресте отца Григория, о нападении на их дом. Письмо, отправленное матушкой накануне, получили лишь через несколько дней.

От Татьяны Романовны вестей не было долго. Она боялась за них, они за нее. И только спустя полгода, после тяжелой поездки матушки Нины на Восток, чуть не стоившей ей жизни, от Татьяны Романовны пришло маленькое сообщение. Она писала, что все в сохранности: иконы, церковные книги и фотографии. Писала также, что наутро после их отъезда в доме перевернули все: разгром был яростный. Может быть, приходили и накануне вечером: или власти, или ворье. Но вот войти в раскрытые ворота не смогли – икона не пустила. Слава Тебе, Господь наш Защи́титель! Я лишь дважды видела Татьяну Романовну, уже когда была подростком. Однажды, когда мне было лет девять, мы с мамой ездили в Невьянск на могилку

к бабушке. Там мы и встретились с Татьяной Романовной. Как она была добра к нам! Увидев меня, расплакалась, говоря, что я очень похожа на отца. Мы вместе молились перед фамильной иконой Пономаревых «Спасом Нерукотворным» и благодарили Бога за наше чудесное спасение девять лет назад.

Вспоминается еще один случай из нашей с мамой жизни в то время. Это был, кажется, 1948 год – денежная реформа – стремительная, однодневная. На все имеющиеся у населения деньги надо было в течение дня успеть приобрести товары, так как на следующий день эти купюры превратились бы в жалкие копейки.

Татьяна Романовна, добрая, беспокойная женщина, зная, какую нищенскую жизнь влачит матушка Нина, оказала ей в эти трудные дни посильную помощь. Понимая, что наша семья находится в тяжелом положении, она утром приехала в Тагил и привезла маме небольшую сумму денег. Они вместе бегали по опустевшим вмиг магазинам в поисках продуктов. Им удалось купить картошку, муку, какие-то крупы. Это было тогда сказочное богатство.

Мама всегда молилась за здоровье рабы Божией Татьяны. Когда вернулся из долгого заключения папа, они с мамой совершили поездку в Невьянск к дорогим могилкам. Конечно, они встретились с Татьяной Романовной, чтобы искренне поблагодарить эту мужественную женщину. Тогда, вероятно, она и передала родителям проявившую свою чудотворную силу икону «Нерукотворного Спаса» и другие святыни, которые она преданно хранила около двух десятков лет. Вскоре Татьяна Романовна скончалась. Светлое имя этой христианки навсегда было записано в поминальнике отца Григория; он неоднократно служил заупокойные панихиды по рабе Божией Татьяне.

Фамильная икона Пономаревых всегда находилась в доме отца Григория и матушки Нины. Перед ней они возносили свои горячие молитвы к Богу, и под сенью этого образа в одну ночь перешли в мир иной.

Он и она

Он

Это был такой же день, как уже многие проведенные тут. Ледяной, колючий ветер летел по степи с огромной скоростью, подхватывая песок, мелкие острые камешки, обрывки чужих, незнакомых растений, с силой швыряя их в лицо, заслоняя глаза и забивая нос и гортань. Угрюмое желто-серое небо почти касалось голов таких же угрюмых и озлобленных заключенных, ушедших, как бы защищаясь, в себя и вяло реагирующих на уже привычную брань и окрики охраны.

Он работал, стараясь повернуться так, чтобы ветер дул ему в спину. Но тогда не было видно барака главного управления, стоявшего невдалеке, который почему-то именно сегодня он не хотел упускать из виду, словно боясь просмотреть что-то важное. Поймав себя на этой мысли, он углубился в работу, постоянно творя молитву. Но вдруг что-то светлое, давно забытое, совсем из другой жизни затрепетало в нем, сливаясь с молитвой, вызывая непонятное волнение и слезы. Впрочем, слезы могли быть и от ветра. Напряжение внутри росло, натягивая и оголяя каждый нерв. «Боже Милостивый, что со мной? Не остави меня, грешного, дай справиться с собой!» Откуда это чувство, в котором переплелись и боль, и радость, и странное нетерпение? «Господи, на все Твоя воля, только не остави меня, грешного, не остави…»

После вечерней проверки прошел слух, что на главном пропускном пункте появилась женщина, жена осужденного. Барак возбужденно гудел. Мысли жгли, бились как в клетке: «А вдруг это ко мне? Нет, невозможно, да и как она оставила бы малышку! Нет, нет. Не надо даже думать об этом… Но какая героиня! Ведь это первый случай, когда в такую глушь смогла пробраться женщина. Кто же этот счастливец? А вдруг ее не пустят! Ведь тут законов просто нет. Господи, помоги ей, чья бы это ни была жена…».

***

Неожиданно пришла повторная проверка «с пристрастием». Грязно ругаясь, охранники прилипчивее обычного перетрясали жалкое тряпье заключенных. Особенно усердствовал один – угреватый, мордастый, глумливо ухмыляющийся. Ничего не найдя и «обложив» всех по привычке, они ушли далеко за полночь. Все долго не могли успокоиться: раздавались стоны, проклятия, чье-то сдавленное рыдание.

Утром при построении им было объявлено, что их отправляют на конечный пункт этапирования – куда-то на Север, через пролив, помогать вольнонаемным шахтерам, «доблестным строителям коммунизма».

Ехали долго в вагонах для скота. Остановок не было. Люди, намучившись, справляли нужду прямо здесь же. Их вяло обругивали, но вскоре повторялось то же. Он давно уже заметил среди заключенных, в основном уголовников, несколько стариков, чью интеллигентность не могли стереть ни грязные, вонючие ватники (так называемые фуфайки), ни матерщина, висевшая в воздухе. Даже на окрики охраны они реагировали как-то по-своему, доводя до исступления «борцов за светлое будущее». Эти люди были островками миролюбия среди бурлящего потока душевных нечистот. Но было заметно, что физически они уже на пределе… Движение поезда стало замедляться. В дощатые дырявые вагоны начал проникать холодный соленый воздух, и все тело, впитывая его, покрылось этой соленой влагой. И вдруг через головы соседей-арестантов ему открылось море.

Раньше он никогда не видел моря. И то, что открылось взору, превзошло все представления о нем – бескрайнее, неохватное для глаз, свинцово-серое. Высокие волны, набегая одна на другую, с плотоядным чавканьем обрушивались на берег, у которого, как забытая детская игрушка, болталось, чуть не опрокидываясь, рыболовецкое судно. В него-то под вопли охраны и самих заключенных стали «трамбовать» страдальцев.

Обледенелые сходни без перил. Сзади – напирающая толпа, которую под автоматами загоняют на трап. Кто соскользнул, не удержавшись – нашел тут свою могилу. Море быстро уносит жертвы. Крики ужаса, ненависти, отчаяния – все накрывает неумолимый, нескончаемый и безразличный ко всему рокот волн.

Разверзшееся чрево рыболовецкой шхуны все заглатывает и заглатывает людей. Вот уже не только сидеть – стоять почти невозможно, а охрана осиплыми, лающими воплями и ударами прикладов ухитряется вгонять еще и еще. Но вот заработал двигатель, судно задрожало и «живая могила», отпущенная швартовочными канатами, взметнулась на волне к линии горизонта, как скаковой конь. «Господи, спаси и сохрани! Не дай погибнуть вот так, без покаяния!» Заключенные стоят так плотно, что даже при качке некуда падать. Только крики боли… Трещат и ломаются ребра, люди давят друг друга. В трюме – дурнота от непрерывных взлетов к небу и падений в бездну, как на чудовищных бесовских качелях; дурнота от спертого воздуха, пропитанного запахами гнилой рыбы и давно не мытых человеческих тел. Порой разносятся истошные вопли: или кого-то всей массой прижали к борту, или чье-то невыдержавшее сердце исторгает последний, прощальный крик.

Время остановилось. Кажется, что прошли недели, месяцы, как их швыряет в этом аду Охотское море. Вдруг – удар! Такой страшный, что трещат все крепления. Еще и еще. Неужели это конец? На море шторм, но матросы ухитряются пришвартовать к берегу эти «качели». По притоку свежего воздуха он догадывается, что открыли люк. Вот мелькнул кусок неба, плачущего мокрым снегом, как бы оплакивающего будущие жертвы.

Опять брань. Дикая брань охраны, подготавливающей людей к выходу. Пошли. Стало свободнее. Но… что это? Многие из заключенных в тот момент, когда их перестала держать и сдавливать толпа, падают без движения. Все. Для них уже все закончилось. Они были мертвы уже в пути, их просто держала сбитая масса людей. «Упокой, Господи, души этих страдальцев. Прости их прегрешения и прими в Свои обители за принятые ими на земле муки».

Те, кто остался в живых, выбираются на твердь земную. После ужасов качки ноги не держат, грудь разрывается от свежего воздуха.

– Всем построиться!

Они прибыли на место. На место новых страданий, на место гибели почти всех приехавших сюда. Они прибыли на свою Голгофу. Прибыли строить коммунизм в шахтах и на лесоповалах Магадана. Они – прибыли!

Она

Господи! Иисусе Христе! Слава Тебе, Всемогущий!

Это просто почти невероятно. Невозможно поверить, но вот она, заветная бумажка, справка-разрешение на свидание с заключенным Пономаревым Григорием Александровичем, осужденным как служитель культа по статье 58 УК РСФСР и находящимся на территории Бурятской республики, где-то в районе Улан-Удэ, в зоне № Х…

Оставив трехмесячную малютку на руках своей мамы Павлы Ивановны, сестры Ольги и брата Николая, она отважно ринулась в путь: хотя бы увидеть, узнать, *что* с ее бесконечно дорогим и любимым мужем. Ее не могут прогнать просто так. У нее есть официальный документ, выданный НКВД Свердловской области, на право свидания. Ей, конечно, очень страшно, что уж тут говорить. Такое время, такой далекий путь. Кругом воровство, бандитизм, люди просто без вести пропадают. Правда, взять у нее почти нечего – пара теплого белья и немного сухих продуктов, что разрешены. Это – для него.

Путь до Улан-Удэ продолжается не менее двух недель. Поезд то стоит по 7-8 часов, то еле тащится, то его вообще загоняют в тупик. В конце концов прибывают в город. Из Улан-Удэ надо еще добираться до зоны, как получится: или пешком, или кто подвезет. Опасно. Но она же под Божиим покровом, кто что ей сделает?! И она то идет, то едет и наконец добирается до места. Кругом пустыня, пески, решетки, железные засовы… Чужие, в основном монгольские лица, выражение которых трудно понять: то ли в них добро, то ли зло, речь их тоже почти непонятна. На главном пропускном пункте, куда она добралась, ей сказали, что до точки № Х.., где находится ее муж, еще километров двадцать-тридцать, и к тому же надо еще ждать чье-то разрешение.

Она сидит в вахтерской дежурке, сжавшись в комочек. Здесь же находится охрана. Охранники нагловато усмехаются, щелкая дверными замками. Стоит площадная брань, от махорки можно задохнуться, но… она выдержит, ведь она проделала такой путь, и что такое теперь двадцать-тридцать километров? Да хоть ползком… Перед окном степь, по которой несутся песчаные вихри. Метрах в ста забор с колючей проволокой и вышками. Видимо, тоже зона. Тут кругом зоны. Бедная, искренне любящая женщина! Знала бы ты, как подло тебя обманывают! Ведь именно за этим забором и есть заветная зона № Х.., куда устремлены все твои помыслы. Буквально в ста метрах от тебя так мучительно и трепетно бьется сердце твоего супруга, словно чувствуя твое присутствие.

Но она терпеливо сидит и ждет, не зная, что на потеху всей охране свидание ей не дадут. Ее просто нагло обманут, ведь это так легко! А кто их накажет? Они знают свою власть…

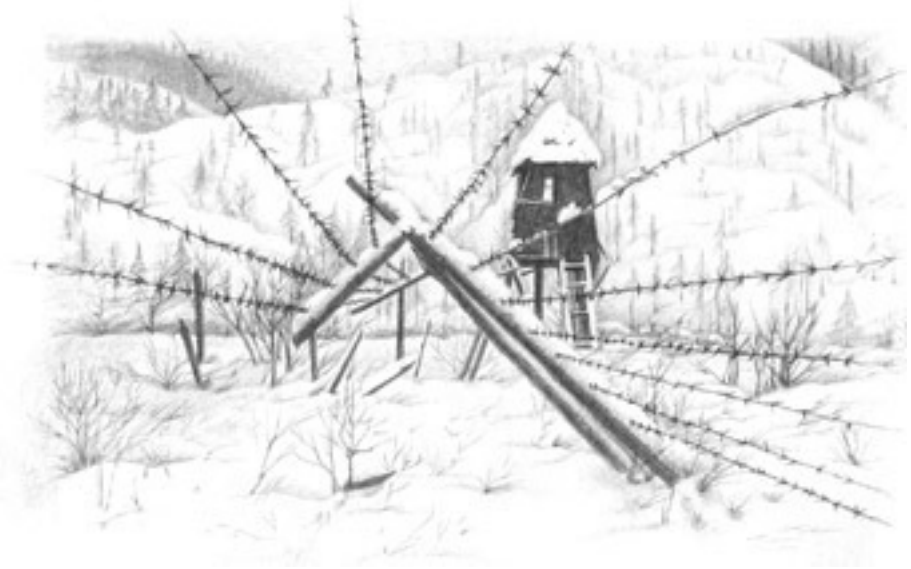
Она доверчиво сидит до вечера, а потом и всю ночь, дрожа от страха, усталости, голода и ожидания встречи, радуясь, что ее не выгоняют на улицу. В соседнем помещении раздается храп, там же режутся в карты свободные от вахты охранники, пьют и сквернословят. А она, ухватившись за молитву как за спасительную нить, умоляет Господа, чтобы о ней забыли и чтобы ее не тронули.

На рассвете под окнами провели колонну заключенных. Отчего так сжалось сердце? Как унять сердечный трепет и волнение? Почему ей кажется, что в этой колонне был ***он***? Нет, она просто очень устала, и скоро, наверное, ее пропустят в зону. Через некоторое время, хихикая и отводя в сторону глаза, начальник охраны заявляет, что выяснилось, будто она приехала слишком поздно, и отряд, в котором отбывает наказание ее муж, уже отправлен по этапу к следующему месту назначения.

– Куда?!

– Это что еще за допрос!

Да кто она такая? Враг народа? Ее живо заберут, если она пойдет что-то выяснять и чего-то добиваться. Пусть немедленно убирается, пока цела.

– Ишь, декабристка нашлась! Пошла вон! Пошла, пошла, а то моя охрана давно уже присматривается. Они живо разберутся.

И далее холодным, официальным тоном:

– Прошу покинуть помещение. Место пребывания Вашего мужа Вам сообщат в отделе внутренних дел города Свердловска. Все сведения поступают к ним.

«Господи Боже наш! Пусть исполнится воля Твоя, пусть будет так, как Ты хочешь, но не как я. Благодарю Тебя, что меня не тронули, но… мне бы хоть немножко сил, чтобы пережить удар и добраться домой». Она сейчас возьмет себя в руки, не упадет, не потеряет сознание. Господь защитит ее. У нее есть маленькая беззащитная девчушка, их дочка, его копия. Это его часть, и она должна ради них двоих сейчас найти в себе силы и добраться домой.

Она едет в каком-то поезде, идущем в Москву через Свердловск. Счастье, что ей достался билет в нем. Правда, на боковом верхнем месте, где она едет, разбито стекло, а уже декабрь, и дует просто невыносимо. Но душевная рана так кровоточит, что физические тяготы отходят на второй план. С каждым километром она приближается к дому, к своей маленькой дочурке. Надо только потерпеть. Есть совсем не хочется. Как удачно. Только вот сил становится все меньше и меньше. «Господи, помоги!»

Через десять дней ее как умирающую захотят снять где-то на половине пути. Все, что угодно, только не это. Она умрет на этой верхней боковой, но не даст снять себя с поезда, иначе ей уже никогда не увидеть ни малышку, ни родных. Ее похоронят где-то в необъятной Сибири чужие люди. Ее могилу не смогут найти даже близкие. Она не имеет права оставить свою дочку сиротой. И она держится. Держится молитвой и неимоверными усилиями. Только дотянуть бы до Свердловска. Там ее встретят брат и сестра. Как хорошо, что она отправила им телеграмму.

Брат и сестра Увицкие Николай Сергеевич и Ольга Сергеевна прибыли к приходу означенного поезда и вынесли из вагона свою умирающую сестру на носилках. Еще три часа – и Нижний Тагил. Ее сразу госпитализировали с диагнозом «двухстороннее воспаление легких с абсцессом в нижней доле правого легкого и высшей степенью истощенности». Надежда выжить, как сказали врачи, только на Бога. Она провела в больнице два с половиной месяца и… выжила, вернувшись к своей уже подросшей малышке, которая научилась так забавно поднимать бровки, чем еще более походила на отца. Каждый день говорил ей, что надо держаться, растить и воспитывать их счастье, их любовь, их маленькую дочку Лелечку.

Надо жить, хотя исчез на Беломорканале отец Нины – протоиерей Сергий Увицкий. Бесследно пропал такой близкий, такой родной свекор – архимандрит Ардалион. Потерялись старшая сестра и брат мужа. Но как подкрепление немощным силам пришла бумага из НКВД, в которой сообщалось, что ее супруг Пономарев Григорий Александрович, осужденный по 58-й статье УК РСФСР, находится по месту отбывания заключения в районе города Магадан. Срок – десять лет. Право переписки: два письма в год. Одно от него, другое от нее. И она молилась и верила, что Господь их не оставит.

Великая Отечественная война. А в далеком Магаданском крае, куда был сослан отец Григорий, шла своя, невидимая миру война. Война, имеющая свои победы и поражения; война, сопровождающаяся предательством и смертью, возвышением и гибелью человеческих душ, постоянной борьбой добра и зла, которые, существуя и в обыденной жизни, как правило, гипертрофированно заполняют собой пространства конфликтов, войн и, конечно, мест заключения.

В таких местах душа человеческая, как в огненном горниле, или сгорает, не выдержав испытания, или выходит из всех искушений, бед и гибельных ситуаций еще более сильной, светлой и окрепшей для новых преодолений и свершений.

Голгофа. Годы заточения…

Драматические истории из жизни отца Григорияна на Севере

Каждый человек, по мере своего восхождения ко Христу, восходит на свою Голгофу. Годы заключения отца Григория стали одной из многих ступенек его духовного возрастания. От силы к силе восходил отец Григорий к Богу и вел за собой своих духовных чад. Одна из духовных дочерей отца Григория, ныне покойная Дария, поведала через других духовных чад батюшки чудный случай, произошедший на ее глазах.

Смолино. Свято-Духовская церковь. Служится великопостная Пассия. На середине храма – Крест Господень. Отец Григорий стоит напротив распятого Господа и сосредоточенно молится. Вдруг батюшка на какое-то мгновение замирает, а затем падает на колени перед Голгофой и начинает истово креститься… Ход службы приостанавливается, молящиеся в недоумении смотрят на батюшку, который, преклонив колена, со слезами на глазах шепчет слова молитв и невыразимой благодарности Богу. Батюшка молится не по чину великопостной Пассии, а своими словами… Так, в оцепенении, проходит некоторое время. Затем отец Григорий медленно поднимается и, не смея поднять заплаканных благодарных глаз на Распятие, заканчивает службу.

Никто в храме так и не понял, *что* же произошло, и лишь раба Божия Дария видела, как во время службы засиял тысячами солнц Крест Господень, стоящий посередине храма. Голгофа Спасителя мира освятила церковь неземным, невещественным светом… Это сияние и увидел отец Григорий. Это был дар Христов – свет Божественный, изливающийся на молящихся по неизреченной любви Господа нашего Иисуса Христа ко всем людям.

«Вера твоя спасла тебя…» (Мк. 10; 52)

Живый в помощи Вышняго, в крове Бога Небеснаго водворится. Речет Господеви: Заступник мой еси, и Прибежище мое Бог мой, и уповаю на Него. Яко Той избавит тя от сети ловчи и от словесе мятежна. Плещма Своима осенит тя, и под криле Его надеешися: оружием обыдет тя истина Его…

Пс. 90-й

Ночь медленно и неохотно истаивала, уступая место серой, буранной утренней мгле, которая застилала глаза и забивала дыхание. На расстоянии вытянутой руки уже не было видно идущего впереди. Только прожекторы со сторожевых вышек зоны на миг рассекали своим лучом разбушевавшуюся стихию и беспомощно увязали в ней.

Группа заключенных шла след в след. Скорее, спина в спину, держась друг за друга. Ветер был такой, что, оторви он человека от земли, – просто понес бы, покатил по снежному полю. Конвоиры инстинктивно прижимались ближе к арестантам, чтобы не потеряться в этом снежном месиве. Конвой, по существу, тут был не нужен. Бежать отсюда некуда. На сотни километров – ни жилья, ни даже охотничьих стоянок. Разве что где-то рядом – зона, подобная этой, да одинокая поземка несущегося по болотам и полям снега. И почти непроходимые леса…

Молодой диакон Григорий, отбывающий уже четвертый год из десяти, был назначен бригадиром в группу самых трудных, злостных рецидивистов-уголовников со сроками заключения до двадцати пяти лет. Это практиковалось местным начальством: сломать, подмять под себя молодых, превратив их в фискалов и доносчиков, чтобы легче было держать в узде других – убийц и насильников, для которых «убрать» человека было пустяком, а порой некоторым развлечением. Даже охранники, имеющие власть и оружие, не хотели связываться с ними.

Группа двигалась в направлении лесной делянки, которую разрабатывали вот уже несколько дней. Удерживать направление мешали снежная буря и слепящий ветер. Наметки дороги, которая стала появляться за эти дни, опять исчезли в снежных переметах. Шли почти наугад к темнеющей вдали стене глухого таежного бора. Шли на пределе, выбиваясь из сил, но стараясь поскорее хоть как-то укрыться в лесу от сбивающего с ног ветра.

Отец Григорий шел первым, вроде бы по обязанности бригадира. Но на деле он, по пояс в снегу, прокладывал путь другим. Боясь спровоцировать назревающий с момента их работы на делянке конфликт, он шел, не переставая творить Иисусову молитву. Скандал должен был вот-вот разразиться… Голодные, озверелые арестанты который день с безумством фанатиков требовали от него еды, так как их дневные пайки – застывшие слизкие комки хлеба – не могли насытить даже ребенка. Он спиной чувствовал, что ему готовится какая-то расправа. Как горячо он молился в эти минуты Господу и Божией Матери! Ноги сами несли его куда-то, и, подходя к лесу, он понял, что их делянка осталась далеко в стороне. Он чувствовал, что не только час, а любой миг для него может быть последним.

Добравшись до леса и убедившись, что они забрели в сторону, зэки обступили его плотным кольцом. Ничем не отличаясь от стаи волков, они выжидали, кто кинется первый, чтобы затем включиться остальным и завершить бессмысленную кровавую драму. Им это было не впервой. И даже предлог есть: куда завел? Не насытиться, так хоть выместить накопившуюся звериную злобу. Охрана в такие минуты сразу исчезала. Положение казалось безвыходным. Но как сильна была его вера в помощь Господа!

Все, что произошло дальше, он делал оценивая события как бы со стороны…

Неожиданно для себя он непринужденно смахнул снег с поваленного ветром отдельно от других кедра и сел улыбнувшись. Стая была просто ошеломлена.

– Ну хорошо, вот вы сейчас меня убьете. И что? Хоть кто-нибудь из вас станет более сыт? Да, я – «поп», как вы меня зовете. И не скрываю, что прошу у Бога помощи. Но помощь-то нужна и всем вам. И она – у вас под ногами.

Почти у его ног, из-под вывороченного с корнями дерева, среди хвои и переплетения сломанных ветвей виднелась шкура, вернее, часть шкуры медведя. Чувствовалось, что глубже, под снегом, лежал забитый падающим стволом зверь. Вероятно, мощное и крепкое с виду дерево было больным и ослабленным, и шквальный порыв ветра вывернул его с корнем, с огромной силой бросив на берлогу спящего медведя. Внезапность оказалась для зверя роковой. Кедр упал, ломая подлесок, но основная сила удара пришлась именно по берлоге. Катастрофа, очевидно, произошла менее получаса назад, так как тело зверя было еще теплым, а его разбитая голова кровоточила.

Восторженный вой голодной человеческой «стаи» привлек и конвой. Это же было чудо – пир с медвежатиной на костре! Даже самые озлобленные арестанты от предвкушения сытной еды зачарованно смотрели на отца Григория: «Ну, поп, тебе и вправду Бог помогает».

Это ли было не чудо? По воле Господа и по горячей молитве отца Григория ноги сами привели его к этому месту. Ведь это была пища на несколько дней, если ее не растащит лесное зверье. Отец Григорий, отойдя в сторону, упал в снег, сотрясаясь от благодарных рыданий. Он-то понимал, что такое совпадение – не простая случайность: расположение берлоги, место падения дерева и внезапность, с какой оно рухнуло, не дав опомниться спящему зверю, – это сила Божественного промысла. Ведь и в Евангелии сказано: *«Просите, и дано будет вам… ибо всякий просящий получает…» (Мф. 7; 7-8)*.

После случая с медведем отношение к заключенному Григорию Пономареву в лагере резко изменилось. Эти нравственно опустошенные люди, изгои общества, в основной своей массе серые, малограмотные и суеверные мужики, стали считать его своим «талисманом». Работая летом на лесоповале, они вместе жарили шишки кедра, а потом, вылущивая из них орехи, делали кедровое молоко, давя орехи камнем в миске и заливая кипятком. Получался сказочный по целебности и вкусный напиток. Сливая первый настой, орехи заливали снова и снова. Некоторые из зэков по-своему даже привязались к отцу Григорию, уважая его за немногословность и справедливость.

Менялись заключенные – кто-то умирал, кого-то просто забивали свои же, кого-то переводили в другие зоны. Сменялись начальство и охрана. Изменилась и жизнь отца Григория. Его перевели работать в шахту.

В шахте

…Не убоишися от страха нощнаго, от стрелы летящия во дни, от вещи во тьме преходящия, от сряща и беса полуденнаго. Падет от страны твоея тысяща, и тьма одесную тебе, к тебе же не приближится: обаче очима твоима смотриши и воздаяние грешников узриши. Яко ты, Господи, упование мое, Вышняго положил еси прибежище твое…

Пс. 90-й

Прошло уже несколько месяцев с тех пор, как отца Григория перевели на работу в шахту. Шахтерский труд – один из самых тяжелых, но с трудом шахтера-заключенного даже сравнивать что-либо трудно.

До забоя ежедневно шли под конвоем. В забое каждый занимал отведенный ему участок, где только при помощи кайла и лопаты надо было, вгрызаясь в матушку-землю, любой ценой выполнить свою норму. Средств защиты, страховок – никаких. Кому нужны эти заключенные? Погибнут – пришлют новых. Стране нужен уголек, на нем не видны ни пот, ни кровь, ни слезы, ни следы оставленных в шахте человеческих жизней.

Когда спускаешься в шахту, замирает сердце, словно попал в преисподнюю. Жутко! Слабый свет шахтерских лампочек едва высвечивает причудливо выбитые пласты породы. Старые, подгнившие крепления скрипят и вздрагивают при каждом ударе кайла; длинная штольня слабо освещена. Под ногами порой чавкающая вода. И воздух… В нем почти нет кислорода, он переполнен взвесью мельчайших угольных пылинок с ядовитой примесью газов, выходящих из земли. Кто хоть раз вдыхал этот воздух, никогда не забудет его привкуса.

И опять жизнь его – как тлеющий уголек, который может в любой момент погаснуть. Погаснуть от тысячи случайностей, возникающих под землей. Одно успокаивало и радовало – его напарник. Что-то просмотрело лагерное начальство, поставив отца Григория работать вместе с этим старым, до истощения худым человеком. Во рту у него не было ни единого зуба, на голове – ни единого волоса, а суставы были по-старчески раздуты и обезображены непосильным трудом. Острые лопатки и ключицы выступали из арестантской робы, но на изможденном и изрезанном морщинами лице, запудренном угольной пылью, сияли удивительной глубины и доверчивости, почти детские глаза. Кашель, даже не легочный, а уже какой-то брюшной, утробный, постоянно сотрясал его тело.

Это был протоиерей Алексий, откуда-то из Подмосковья. В их лагере он появился сравнительно недавно и был так плох здоровьем, что даже уголовники, липнущие к каждому человеку, стремясь извлечь из него хоть какую-то пользу для себя, не трогали его. Не жилец! Однако этого полуумирающего старика каждый день исправно выгоняли на работу.

Они уже несколько дней работали в одном забое, и отец Алексий с неизвестно откуда берущейся в немощном теле силой вбивал свое кайло в породу, оставляя для Григория удобные выступы и выбоины, на которые уходило значительно меньше усилий. Совсем недавно отец Алексий узнал, что его молодой напарник – диакон, и его младенчески светлые глаза засияли особенно приветливым и радостным светом. Родная душа рядом! Он по-отечески тепло относился к отцу Григорию (к «Гришеньке») и говорил, что в назначении их работать в одном месте видит промысел Божий. В забое они почти не разговаривали. При таком напряженном труде это попросту невозможно. В бараке нары их находились далеко друг от друга, но Божия благодать, лежащая на батюшке, как облако покрывала отца Григория и облегчала его труд.

В тот день, когда их спустили в один из штреков, воздух казался каким-то особенно ядовитым. Лампы почти не давали света, а расползавшиеся по своим местам люди были угрюмее и тревожнее обычного. Батюшка Алексий шепотом прочитал молитву, и оба обрушили свои каелки на неподатливый пласт. От звука ударов они не сразу расслышали показавшийся очень

далеким крик и какой-то странный гул. Оба как по команде прекратили работу. И вновь на какой-то визгливо-истошной ноте, но уже значительно ближе, крик повторился. Теперь были слышны и слова: «Спасайтесь! Вода!». Где-то прорвалась вода и, перемешиваясь с треском рушившихся опор, обламывающихся пластов угля и шумом бегущих людей, неудержимо подступала к главному штреку. Посмотрев друг на друга и бросив инструменты, они отскочили от стены и повернулись, чтобы бежать к выходу. Но в этот момент, преграждая им дорогу, с оглушающим грохотом рухнул потолок. Сметая перекрытия, неуправляемая угольная лава погребла все вокруг в тучах черной пыли и мелких камней.

Когда отец Григорий пришел в себя, он даже не мог понять, где находится и что с ним. Абсолютный провал памяти. Рот полон угля, на лице что-то теплое и липкое. «Кровь!» – подумал он. Он попытался приподняться, однако ноги придавила безмерная тяжесть. Что-то держало его и не давало передвигаться. Фонарь слабо горел, и глаза не хотели видеть, а ум отказывался смириться с тем, *что* освещала тусклая шахтерская лампа. Со всех сторон – только черные угольные стены. А где батюшка? Где отец Алексий? Слабый стон пришел как ответ на его мысли. Да вот же он, рядом, вот его руки, плечи, голова… Им засыпало ноги. И тому, и другому. Успей они еще сделать хотя бы один шаг к выходу, их накрыл бы и раздавил обрушившийся потолок штольни. Но положение все равно ужасное. Они оказались в каменном мешке, отрезанные от мира.

С величайшим трудом отец Григорий высвободил ноги. Боясь каждого движения, чтобы не вызвать продолжение обвала, он высвобождает батюшку. Отец Алексий в сознании, но не может сдержать стон. У него сломаны обе голени. Все, что происходило потом, сохранилось в памяти отца Григория отдельными фрагментами. Он оттащил батюшку подальше от обвала, под самую стену, над которой они трудились несколько минут назад. Или несколько часов? А может, дней? Он то приходит в себя, то вновь впадает в беспамятство. То же, вероятно, происходит и с отцом Алексием. Тут все – и удар, и боль, и шок от сознания их положения, и еще не осевшая пыль, забивающая легкие. Рот и нос полны угля, на лице – кровь. Это мелкие острые камешки угольной породы с силой вонзились в лицо. Как еще глаза остались целы?! Тело отца Алексия сотрясается от жуткого, бесконечного кашля. Отец Григорий пытается влить ему в рот немного воды из фляжки, но она только расплескивается. Их обоих бьет крупная нервная дрожь. Потом опять провал памяти, надолго ли – трудно сказать.

Следующее, что он слышит, придя в себя, – горячие, страстные, пламенные слова молитвы. И он подключается к ней всем своим существом. Он знает: *«Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них» (Мф. 18; 20)*. Время остановилось. Отец Алексий угасает. У него бред. Вот он благословляет свою паству, вот шепчет какие-то ласковые слова жене или дочери, вот читает 90-й псалом! Голос его крепнет, как будто в нем – вся оставшаяся энергия жизни. И голос этот просит с какой-то необыкновенной силой: «Спаси его, Иисусе! Он молод и может еще столько дать людям».

Отец Григорий понимает, что эта молитва – о нем. Сам он непрестанно молится, потом опять пытается напоить батюшку, но у отца Алексия все только клокочет внутри и вода выливается мимо. «Оставь это, Гриша! Оставь себе! Господь милостив. Нас откопают, и ты должен жить, продолжая наше святое дело». Но разве отец Григорий возьмет глоток воды у умирающего! Он, как может, пытается облегчить эти страдания: они то молятся вместе, то, видимо, теряют сознание. Их шахтерские лампы уже еле горят. Нет, почти нет кислорода. Вот она, готовая для них могила. Вдруг батюшка неожиданно резким движением притягивает к себе руку отца Григория и шепчет: «Гришенька! Отец Григорий! Хоть ты и диакон, но так, видимо, угодно Богу. Приготовься принять исповедь раба Божия Алексия». Он жарко шепчет ему слова своей последней в жизни исповеди: «…Ну, а Господь, может быть, отпустит мне грехи. Мне, недостойному рабу Его Алексию».

Потом они молчат. Приходя в себя, отец Григорий творит молитву и слушает угасающее дыхание батюшки. Он уже почему-то не кашляет. Вот и света нет совсем. Они лежат в абсолютной темноте, почти задыхаясь. Но вдруг какой-то звук – сначала тихо, а потом все сильнее – нарушает тишину их склепа.

– Гриша! Похоже, нас откапывают. Господь услышал наши молитвы. Слава Тебе, Всемогущий Боже наш! Слава Тебе, Пречистая Богородица!

Отец Григорий, не переставая читать Иисусову молитву, слышит приближающийся звук лопат, отгребающих уголь. Звук становится все громче и громче. Вот впереди что-то блеснуло, и затем в небольшое отверстие засияла, как десять солнц, шахтерская лампочка. После полного мрака она слепит до слез. Отверстие все шире. И вот в нем появляется ошеломленное лицо:

– Эй, Володька! Да тут люди!

Лопаты работают все быстрее и быстрее. Наверное, ангелы небесные поддерживали свод потолка, готового дать новую трещинную осыпь. Наконец в проеме появляется человек. Он освещает своей лампой «могилу» несчастных, негромко присвистывает, вероятно, от ужаса, и почему-то шепотом говорит кому-то стоящему за ним:

– Вроде, живы. Один-то – точно. Да и старик, похоже, тоже живой.

Но они так слабы, что не могут подать даже голоса.

– Володька! Тащи брезент!

Как их извлекли из шахты, отец Григорий почти не помнит. Он видит себя уже лежащим наверху на брезенте, а рядом – еще живого батюшку Алексия. Его дивные, сияющие глаза устремлены на Григория. Толпа, окружившая их, потрясенно молчит. Батюшка поднимает благословляющую руку в сторону отца Григория и всех присутствующих. Последним усилием воли осеняет себя крестным знамением, и душа его устремляется к своему Создателю. Взгляд из сияющего становится далеким, а затем – застывшим, как бы отрешенным от этого мира. А отец Григорий, лежа на брезенте, принимает благословение православного священника для самоотверженного и преданного служения Господу и Его Святой Церкви и молча дает обет: если это угодно Богу и он когда-нибудь выберется отсюда, то посвятит Ему свою жизнь.

Чудо спасения отца Григория и отца Алексия было, конечно, предопределено. Их откопали на третьи сутки, неожиданно для всех. О них просто забыли. Обвал в этот раз был намного серьезнее всех предыдущих и унес много жизней. Но специально никого не искали. Просто надо было восстановить основной проход главного штрека, на котором и трудились отец Григорий с отцом Алексием. Расчищая главную «артерию» шахты после ее обвала, рабочие и натолкнулись на несчастных. Только благодаря распределению рабочих мест в главном штреке батюшки оказались на пути ремонтных рабочих, которые их обнаружили. Действительно, у Господа случайностей не бывает! *«У вас же и волосы на голове все сочтены» (Мф. 10; 30).*

«Живый в помощи Вышнего»… Витек

Оставьте расти вместе то и другое до жатвы; или во время жатвы я скажу жнецам: соберите прежде плевелы и свяжите их в связки, чтоб сжечь их; а пшеницу уберите в житницу мою.

Мф. 13; 30

История эта – короткая, но оставляющая очень тяжелое впечатление. Она была услышана мною в юности и, совершенно очевидно, не была предназначена для юного ума и ранимой души в силу незнания некоторых чудовищных сторон жизни, поэтому не была понята мною в то время во всей глубине ее ужаса и трагизма. Лишь спустя годы рассказанное отцом Григорием осозналось в своей потрясающей реальности.

Как сейчас помню папин шепот, прерывающийся от нахлынувших воспоминаний, и… вдруг испытываю невыразимое сострадание, боль и омерзение одновременно.

После чудесного спасения отца Григория и батюшки Алексия из заваленной штольни ствол шахты был вскоре восстановлен и работы продолжались в ней, как и раньше. Тот же непосильный труд, тот же голод, те же заключенные с их нравами и понятиями: в основном – простые мужики, озверевшие от условий жизни, к тому же растлеваемые группой рецидивистов, распутников и подонков, в которых давно умерло все человеческое. Эта небольшая группа создавала костяк барака и определяла соответствующий моральный климат в нем.

Как оказался среди заключенных совсем молоденький паренек (Витек, как он себя называл), никто вопросом не задавался. Не похоже было, что ему уже исполнилось восемнадцать лет, внешне он выглядел на пятнадцатилетнего. Худенький, почти прозрачный, Витек еще не успел возмужать. Светловолосый и голубоглазый, он походил скорее на девочку-подростка. Его мелодичный голос, не прошедший мутацию, полуженские, мягкие и даже грациозные движения напоминали пастушка Леля из «Снегурочки» – такая же была в них миловидность и привлекательность.

Для барачной своры он был «лакомый кусочек», и отец Григорий неоднократно ловил гадостные, похотливые взгляды на этом еще не оформившемся мальчике.

Витек, особенно после событий в шахте, старался держаться поближе к отцу Григорию. Несмотря на свою молодость и неопытность, он, конечно, понимал недвусмысленность обращенных к нему грязных взглядов и намеков и осознавал: случись что – отец Григорий один не в состоянии будет его защитить.

Витек, вероятно, как-то по-своему продумывал способы защиты, так как однажды тихонько сказал:

– Я им в руки живым не дамся. Сам помру, но и этих за собой утащу… Не на того напали.

Отец Григорий воспринял его слова скорее как попытку самоутверждения. Не более. В самом деле, что он может сделать против целого стада зверья, в котором вот-вот проснется весенний гон?

Однажды к отцу Григорию подошел один из самых гнусных подонков барака и, криво улыбаясь, процедил:

– Мы знаем, поп, что ты надеешься на своего Бога. Но будет по-нашему. Перестань опекать мальчишку. Мы все равно его заберем, раздавим.

Тут он употребил еще пару нецензурных, но вполне понятных выражений относительно жизненных перспектив Витька… и добавил:

– А тебя, папаша, мы просто уничтожим, и так, что никто даже не удивится. Бывают же несчастные случаи. Жизнь!

И с кривой улыбочкой «промурлыкал»:

– «И никто не узнает, где могилка моя». И не вздумай жаловаться там… наверху.

Мысленно перекрестившись, отец Григорий ответил:

– Там, «наверху», как ты говоришь, для меня лишь – Господь Бог, и я не жаловаться буду, а просить, чтобы было по воле Его. Ясно? Парня, конечно, я, как смогу, буду защищать, а все остальное – не в твоих и не в моих руках. Не заблуждайся. Да, мне одному против всех не устоять, но за мной Сам Господь, и я полностью полагаюсь на Него… – последние слова его потонули в море отборного мата…

А далее последовало:

– Смотри, поп, я тебя предупредил!

«Жаль, – подумал про себя отец Григорий, – что парень-то неверующий. Вдвоем мы были бы куда сильнее…»

Отец Григорий молился постоянно, призывая на помощь Господа, Матерь Божию и святителя Николая. Вспоминал он и покойного отца Алексия и его отеческое последнее благословение – кому же хочется умереть, тем более будучи предупрежденным! Но и отвернуться от парня он не мог. Что совершенно сокрушало отца Григория – полное безразличие Виктора к молитве. Все разговоры на эту тему были напрасны. Как в бездонный омут.

Виктору он говорил постоянно:

– Ты Богу молись, Витя. Господь видит все, Он поможет. Все будет по Его Святой воле.

– Да не умею я молиться, дяденька. Но у меня кое-что при-пря-та-но! – как-то доверительно сообщил он. – Недаром я при взрывниках! – хитро, по-деревенски, подмигнул Витек. – Живым не возьмут.

Ощущение постоянно нарастающей опасности не покидало отца Григория. Угрюмое напряжение и похотливые выпады против мальчишки усиливались. Усугубилось до предела и положение самого отца Григория: в любую минуту он ждал или очередного, теперь уже умышленного, обвала, или падающей вагонетки, или прорыва воды на его участке. Да мало ли «случайностей» могло быть.

– Ну, что ж, – решил отец Григорий, – в этом, видимо, промысел Божий. Господь, может быть, испытывает мою веру! Пусть совершается все по Твоей воле, Господи, но, если есть хоть малая возможность, дай мне, Боже, дожить до встречи с моими родными. Столько планов, желаний быть полезным Церкви Христовой… Да кто же не дорожит жизнью!

Время шло…

Однажды после вечерней проверки в бараке послышались какие-то странные, непривычные для лагерной жизни звуки. Милые и даже домашние, они совершенно не вписывались в обстановку барака. Все заоглядывались, зашевелились… О, удивление! Каким образом в барак попала коза? Грязно-белая, шерсть клочьями, до безобразия худая-прехудая коза, которая испуганно и беспорядочно металась меж нар, очевидно, ища выхода из помещения.

Быть может, кто-то из внешней охраны содержал в хозяйстве козу, и несчастное животное случайно во время вечерней проверки забрело в барак? А может, ее кто-нибудь просто затащил сюда?

Барачная публика оживилась. Сначала вполне миролюбиво. Кто-то попытался подоить козу – оказалось, что молока у нее не было.

Затем возникло желание просто убить ее на мясо. Уж лучше бы и убили.

Страсти накалялись.

Сатанинская рать поднялась вихрем, и замыслы, желания, страшнее и пакостнее одно другого, закипели в головах выродков.

Вот и он, бес блуда и похоти, бес содомского греха – грязный, безобразный и беспощадный – явился, налетел и закружил в жуткой своей круговерти, безумном исступлении порочности и нечистоты…

Обитатели барака просто осатанели. Глаза налились кровью, мозги отключились, и взыгравшая плоть, не управляемая ничем, кроме бесовских помыслов, начала свои утехи.

Свист, хриплый хохот, почти вой этих нелюдей, сквозь которые прорывались истошные, почти человеческие вопли несчастной козы. Дикое улюлюкание, дьявольский шабаш…

Заключенные сами превратились в диких, безобразных животных. Нет, они были хуже, гораздо хуже…

Отец Григорий сидел в углу, зажимая уши и охватив голову руками. Около него, словно чувствуя неладное, прижимаясь, прячась за его спину, цепляясь, как за последнюю надежду, с глазами, белыми от ужаса, даже не сидел, а врос в нары помертвевший Витек…

Из противоположного угла, из центра взбесившихся тел, хрипов, мата еще слабо прорывались предсмертные стоны, всхлипывания растерзанного, погибающего животного. Конец ее был близок, а похоть только распалялась, набирала силу.

С этого момента положение отца Григория и мальчика становилось угрожающим. Они оба понимали, что озверевшая толпа, не получив свое, кинется на парня и просто сметет, растопчет батюшку, когда он, совершенно безоружный, будет защищать Витька. А в том, что он будет его защищать, отец Григорий не сомневался. Он просто не мог допустить такого попрания человека, почти ребенка – создания Божия…

И вот глаза одного из отморозков стали жадно искать Витька… и, конечно, нашли.

Еще мгновение… отец Григорий только успевает призвать помощь Божию, как получает по голове чудовищной силы удар.

Но, возможно, это и спасло его. Теряя сознание и падая, он слышит даже не крик, а детский визг Витька, который, странным образом ускользнув от липких, поганых лап озверелой толпы, с криком: «Я же говорил, дяденька, я их всех уложу-у-у-у!..» – кидается в самую середину мерзких, вонючих тел, на замученный труп разорванной козы, и страшной силы взрыв поднимает весь барак на воздух…

Недаром Витек крутился близ взрывников. Там он прошел свою смертельную школу.

Уложило почти всех. Кроме дымящейся воронки, от барака ничего не осталось. Отца Григория, который от удара по голове был без сознания, отбросило далеко, почти за караульную вышку. Из обитателей барака лишь несколько человек остались в живых. Тело же несчастного мальчишки найти не смогли. Господь, прополов человеческие колосья, вырвал сорные травы…

А Витек? Что ж, то – воля Божья! Кем бы он стал – еще вопрос. Он не понимал и не стремился к молитве, но телесная и душевная его чистота, возможно, помогли в его загробной участи. Господь принял его душу, а где ей быть – на то Его святая воля!

«Соберите прежде плевелы и свяжите их в связки, чтоб сжечь их; а пшеницу уберите в житницу мою…» (Мф. 13; 30).

«У Меня отмщение, Я воздам…» (Евр. 10; 30). Гроза в бараке

…Не приидет к тебе зло, и рана не приближится телеси твоему. Яко Ангелом Своим заповесть о тебе, сохранити тя во всех путех твоих…

Пс. 90-й

Душно. Ох, как тяжело, томительно-душно. Какое это трудное лето – и для людей, и для природы. С самой весны почти не было дождей. Зелень, устремившаяся к солнцу, вскоре, даже не раскрыв своих бутонов, не набрав сил и влаги в листьях и травах, стала желтеть и засыхать. Неделями откуда-то с юго-запада горячий и сухой воздух накрывал заключенных невидимым, прозрачным колпаком – именно воздух (как из раскаленной духовки), а не ветер, пусть даже сухой и жаркий. В ветре есть какое-то движение, какая-то надежда на прохладу, тут же – совершенно неподвижный, но осязаемый по своей упругой плотности зной, под которым замирает и цепенеет все живое.

Давно не слышно птах, обычно живущих тут летом. Не слышно даже стрекота насекомых. Вдали, в почти неколеблющемся мареве раскаленного жара, всё расплывчато и размыто. Каждый день солнце, за несколько часов выполнившее всю «дневную норму», скрывается в сероватой мгле облаков, а жара и духота продолжают нарастать. Тучи, такие желанные, порой возникают где-то вдалеке, иногда приближаются, еще сильнее придавливая к земле палящий зной, и, не оправдав надежд, уходят к Охотскому морю.

Мучительная жара стоит уже третий месяц. Нервы людей на пределе. Работать в такой духоте невыносимо. Конфликты возникают из ничего – злобные, скверные. Заключенные и охрана обливают друг друга отборной руганью. Кроме жары, донимает голод. Обычно в это время года с едой бывало полегче: какой-то лесной урожай помогал выжить. Нынче в лесу ничего не вызрело, только пыльная, засохшая трава – ни ягодки, ни живого кустика.

Проверки в бараках проходят бесконечно. Непонятно, что ищут. Перерывая всё на нарах, заглядывают даже в печь. По летнему времени в ней действительно можно что-то припрятать. Все проверки рассчитаны лишь на часть заключенных. На уголовников «шмоны» не распространяются. Там свой мир, свои законы, и даже конвой предпочитает с ними не связываться.

В одном бараке, под одной крышей, в четырех стенах сосуществуют два диаметрально разнящихся образа жизни. Бывает, что в одной реке, даже совсем маленькой, можно наблюдать, как проходят рядом, не смешиваясь друг с другом, два потока. Один несет светлую, прозрачную воду, и тут же, совсем рядом, другой – желтоватый и мутный. Один поток теплее, другой просто ледяной, но оба они стремятся в одном направлении. Так и в заключении. Разные по развитию, мышлению и душевному устроению человеческие жизни, почти не смешиваясь друг с другом, текут вместе, и каждая из них несет собственное назначение, неизбежно приближаясь к своему концу. Однако зачастую «пересечения» людей, вместе оказавшихся в заключении, кончаются человеческой трагедией.

Среди этих потоков есть еще одна прослойка – так называемые «флюгеры». Это самый страшный и ненадежный человеческий тип. Именно в этой среде – первые предатели, доносчики и фискалы. Перед начальством они – трусливые подхалимы. Перед уголовниками – шакалы. Гиены – для остального населения барака. Они мельтешат, суетятся, все вынюхивают и постоянно подслушивают. За щепотку чая готовы продать, оболгать кого угодно, и даже у отпетых уголовников они вызывают раздражение и презрение.

Сейчас, когда невыносимая жара и духота держат всех в напряжении, в бараке идет карточная игра. Играют уголовники. Игра страшная, жестокая, не знающая пощады. Проиграно уже все, что составляет лагерные материальные ценности. Теперь идет игра на человеческую

жизнь. Неизвестно, простым ли жребием жизнь одного «стукача» попала в обойму игры или, может быть, надоел он всем, но играют именно на фискала по кличке «Стеха».

В бараке – леденящая тишина. Только хриплое, прокуренное дыхание игроков да короткая матерщина, комментирующая отдельные моменты карточной игры. Стукач после приступа визга, воплей и рыданий ползает в ногах у игроков. Страшным ударом под дых его вынудили замолчать, и теперь он только икает и шепчет что-то посиневшими губами. Кажется, что слышно, как лязгают о железную кружку его зубы.

Тем временем в бараке стало совсем темно. От напряжения смертельного розыгрыша никто не заметил, что тучи, все лето проходившие мимо зоны, собрались прямо над бараком. На улице все почернело. Еще какое-то мгновение мертвой тишины, и вдруг – дикий порыв ветра почти срывает кровлю, сталкивает черные рваные куски неба друг с другом, раскалывая их на части змеевидной молнией… И тут же, без паузы, всё покрывает гром, от которого могли бы лопнуть барабанные перепонки.

На какой-то миг эти нечеловеческие звуки отрывают играющих в карты от их страшного занятия, несущего в себе смерть. Но накал игры так велик, что буквально один миг отделяет игроков от финала. Все, игра закончена. Дикий визг Стехи перекрывает даже оглушающие раскатистые звуки грозовой тьмы. Смертник Стеха катается в ногах у уголовника, проигравшего его, Стехину, жизнь, и вымаливает прощение. Он готов лизать пол под ногами своего убийцы, жрать землю, ломать и крушить все по его приказу, только бы остаться живым.

– Ну, ладно! – милостиво изрекает игрок и вдруг замечает в другом углу барака полыхающие синим пламенем гнева глаза. Глаза человека, которого он давно ненавидит и, не признаваясь в этом даже самому себе, где-то глубоко внутри побаивается, что лишь усиливает его ненависть. Этот человек – заключенный Григорий Пономарев.

Вновь небо рвется под очередным ударом молний, из-за чего до обитателей барака доносится лишь обрывок фразы:

– … дарю тебе жизнь, но за это ты пришьешь сейчас попа! Ну!

Какое демонское ликование!

Барак замирает. Большинство барачных равнодушно-привычно наблюдают за происходящим. Но души тех, кто знает отца Григория, содрогаются от неожиданности и ужаса, от произвола и разнузданности и от чувства собственной незащищенности. На лице Стехи застыл мертвый оскал, подобно навечно приросшей к нему маске. В остекленевшем взоре – смесь ликования, подобострастия и необъяснимого страха. Он кидается за орудием убийства – стамеской, отточенной до остроты бритвы. Она припрятана где-то внутри барачной печи. Отец Григорий только успевает осенить себя крестным знамением и призвать на помощь Царицу Небесную.

В этот миг очередная грозовая молния, раскроив небо надвое, ударила в печную трубу барака и, как бы втянутая движением воздуха внутрь открытой печки, влетела в нее и ушла под землю, разметывая вокруг себя печную кладку. Во все стороны, как от взрыва, с грохотом полетели искореженные кирпичи. Загорелась крыша барака над развороченной печью, и неуправляемый пламень стал перекидываться на близлежащие нары.

Не видно ничего. Дым, пламя, стена поднятой от обломков кирпичей пыли… Как сухой хворост, загорелись близ печи нары – привилегированные места уголовников. Молнии, одна за другой, продолжают распарывать небо. Кажется, что все они направлены в барак. Словно весь гнев Божий обрушился на головы безумцев. В бараке – страшный крик, стоны. Люди, перескакивая через развалы кирпича, через горящие нары, толкая и давя друг друга, разносят в щепки дверь барака и спешат выскочить наружу. В дверях свалка. Крики боли и ужаса. И еще один непонятный звук – словно где-то открыли шлюз… Заключенные выбегают из горящего барака, задыхаясь от дыма, и едва не валятся с ног от стены дождя, который после сухой грозы накрыл буквально все: горящую крышу и догорающие нары, слепившихся в проеме снесенной барачной двери людей и неподвижные тела вокруг обломков печного фундамента.

Вот она, расплата! Еще две минуты назад эти выродки, раздуваясь от самодовольства, вершили дела и жизни барачных заключенных. Калифы на час! Пришел их жалкий конец. «Короли» барачной элиты, совсем еще недавно возлежащие на нарах вокруг печи и проигрывающие в карты человеческие жизни, сами приняли смерть, побитые камнями. Как символично! В древности преступников казнили, забивая их до смерти камнями.

Гроза в ту ночь бушевала почти до утра. Скоро появилась охрана. Пожар благодаря дождю был потушен. Пораженных молниеносной смертью уголовников быстро унесли. Раненых отправили в больничный барак. Всех остальных распределили кого куда. Но даже по прошествии нескольких месяцев отец Григорий больше не видел ни в своем новом отряде, ни в других отрядах главных участников трагических и страшных событий той ночи. Справедливый суд Божий каждому воздает по делам его.

В бараке смертников

…На руках возьмут тя, да не когда преткнеши о камень ногу твою. На аспида и василиска наступиши и попереши льва и змия. Яко на Мя упова, и избавлю и: покрыю и, яко позна имя Мое…

Пс. 90-й

Откроем еще одну страницу тяжелой, порой на краю гибели, жизни отца Григория в заключении, чтобы снова убедиться, что значит истинная, бескомпромиссная вера в Господа, и чтобы почувствовать, как Он близок к нам.

«Просите, и дано будет вам…» (Лк. 11; 8) – сказано в Писании. Как быстро, мгновенно слышит Господь Своих детей! Помощь Его приходит незамедлительно. Бывает порой так, что мы не получаем просимое, но не потому, что Господь нас не услышал, а потому, что это нам не полезно. Первые годы после возвращения с Севера батюшка кое-что рассказывал о своей лагерной жизни, но не часто. Чем старше и умудреннее он становился, тем плотнее закрывалась дверь его воспоминаний о годах лагерных страданий. Но иногда, в исключительных случаях, он вспоминал то страшное время только для того, чтобы на примере собственного опыта оказать реальную помощь своим духовным чадам.

Идет беседа… Кажется, что все аргументы исчерпаны, а окормляемый батюшкой страждущий человек не слышит, не понимает и готов совершить неразумный и губительный шаг. В таких исключительных случаях несколько скупых слов батюшки о его страшной, на грани выживания, жизни в заключении, а также рассказы о незамедлительной помощи Господа отрезвляют упрямца.

Эпизод из жизни отца Григория, о котором хочется поведать, я слышала еще в юности, но тогда он не запал в душу так глубоко, потому что все, что рассказывал папа, было леденяще жутко, и память, как самозащита, размывала отдельные фрагменты лагерных историй, да и я была еще слишком молода, чтобы что-то понимать.

Уже во время работы над книгой одна духовная дочь отца Григория повторила эту историю. Мои воспоминания о жизни родителей, ожившие в ходе разговора, как в фокусе сконцентрировали давно забытое, а недостающие звенья, о которых я услышала, составили целостную картину. Круг замкнулся. Все встало на свои места, и многое в скрытой от постороннего взгляда жизни отца Григория и матушки Нины стало мне понятным, вызвало трепет и уважение. В душе моей были задеты самые трогательные и чистые струны, навсегда остающиеся в памяти человека – как вразумление и как пример на пути стяжания Духа Святаго.

Женщина, поведавшая мне свои воспоминания, – глубоко верующий человек с трудной, изломанной судьбой. Она всегда беспрекословно слушалась батюшку. Видимо, в очень уж сложный жизненный водоворот попала эта раба Божия, так что батюшка в долгой беседе с ней привел пример из своей лагерной жизни. Этот рассказ лег в основу этой части главы «Голгофа».

Годы в заключении не идут, а ползут, и каждый день жизни может оказаться последним. Состав заключенных лагеря часто менялся. Скорее всего – специально, чтобы люди не успевали сплотиться или как-то подружиться. Менялось начальство, и вновь прибывшим была глубоко безразлична предыдущая жизнь. Новый день – новые страдания, новые люди, новые ситуации. Только голод все тот же, нескончаемый и изнуряющий до изнеможения. Летом чуть меньший, а зимой доводящий одних до суицида, других – до преступления, убийства кого-то из заключенных; третьих – до психического расстройства. В общей массе голод «подчищал» зону к весне процентов на пятьдесят-шестьдесят: и вот готовы уже «вакантные места» для новых страдальцев. Наиболее сильные личности рук на себя не накладывали и в бессмыс-

ленные кровавые побоища не ввязывались. Их психика оставалась незадетой, но от хронического истощения и непосильной работы организм человека не выдерживал и давал сбой. Часто такой «сбой» проявлялся в заболевании глаз, которое в народе называют «куриной слепотой». Болезнь эта характерна тем, что с наступлением сумерек человек теряет зрение. Он не видит ни дороги, по которой надо идти, ни пайки заработанного хлеба, ускользающей прямо из-под его носа с барачного стола. Заболевание развивается очень быстро, и слепые люди лишаются пайки хлеба, который даже не продлевает жизнь, а, скорее, оттягивает смерть. Таких больных выселяли обычно в отдельный барак. Практически это был барак смертников.

Их, конечно, гоняли на работу. Днем они видели, но вечера ждали с ужасом, чтобы, цепляясь в темноте друг за друга, под окрики охраны и насмешки «братвы» как-то добраться до места. А там их уже поджидали лагерные «шакалы», для того чтобы успеть выхватить хлебную пайку у почти незрячего человека, ослабленного тяжелыми трудами и голодом. И так день за днем; правда, жизнь заключенных в этом бараке длилась недолго. Конец приходил очень быстро и всегда однозначно. «Барак смертников» – и этим все сказано.

Примерно на седьмом году заключения отец Григорий почувствовал грозные признаки «куриной слепоты». Болезнь развивалась стремительно; не прошло и месяца, как его перевели в барак к «смертникам». Над отцом Григорием сгустился мрак безнадежности. В почти ничего не видящем, бредущем после изнурительного труда в толпе таких же слепцов и знающем, что сейчас опять будет украдена его пайка, в нем блеснула пусть малая, но надежда – выжить. И он взмолился Богу:

– Господи Иисусе Христе! Милостивый! Ты столько раз оказывал мне помощь и защиту. Остаются только три года до окончания срока моего заключения. Дай мне возможность дожить до этого времени и выйти из лагерного ада. Дай возможность послужить Тебе в храме Божием. Дай увидеть, обнять ненаглядных моих родных, и тогда я буду любить и оберегать их всеми своими силами, но принадлежать – только Тебе, Господи! И жена моя, горячо мною любимая, будет мне лишь сестрой. Я уверен, что она поддержит меня, ведь крест христианский – это не просто бездумная покорность судьбе, а свободно избираемая бескомпромиссная борьба с самим собой. Господи! Приими обет мой и помоги, спаси и помилуй раба Твоего, грешного Григория.

Нести крест свой – значит полюбить Христа и принести себя Ему в жертву, как Он принес Себя в жертву за весь род человеческий! Закончив молитву, отец Григорий устремил свои невидящие очи в небо. Он шел, вернее, плелся почти наощупь в толпе таких же несчастных людей, в слепоте добирающихся к своим нарам, которые в любую минуту могли стать смертным одром.

Всю силу своей веры, надежды и любви ко Господу, как единому Защитнику от отлаженной лагерной машины смерти, вложил отец Григорий в свой страстный молитвенный молчаливый крик. Крик души. И…

«О Боже! О милостивый Боже!» – его незрячие глаза озарил на мгновение свет! Он был непередаваемо яркий, но не слепил. Он был ярче солнца, но ласкал измученные глаза. Он осветил каждый уголок его пылающей души и онемевшего тела. Он был светлее материнской улыбки. Это был свет Божественный!

Батюшка упал на колени, задыхаясь от потрясения. Рыдания содрогали все его существо. Слезы, которыми он не плакал с детства, текли из его измученных глаз по щекам, и он даже не утирал их. Они были как лекарство, как бальзам для его изнемогающих души и тела.

Свет этот дивный давно исчез, и отец Григорий отчетливо увидел звездное небо, увидел вдали свой барак, копошащихся несчастных слепцов и охрану, не реагирующую на стоны и вопли сбившихся в кучу людей. Он взглянул внимательно на охранников – лица их были тупы и привычно озлоблены. «Они же зрячие, – подумал отец Григорий, – но ничего не видят, как

евангельские слепцы». Значит, видел он один? Бог услышал его! Господь видел, что батюшка уже на краю гибели, и Он снова спас его!

Волна невысказанных благодарных мыслей, поднявшаяся в душе отца Григория, накрыла его с головой. Ему хотелось плакать, смеяться и бесконечно радоваться. Он не мог взять себя в руки. Он пел хвалебную песнь Господу и благодарил Его в своей ликующей душе.

Тем временем толпа добралась до барака, где, как гиены с наглыми и горящими глазами, слепых заключенных поджидали постоянные воры хлебных паек, а точнее – воры жизней. Когда батюшка подошел за своей пайкой и блудливая воровская рука привычно скользнула вперед, отец Григорий резким и точным ударом кулака, как кувалдой, прихлопнул ее к столу. От неожиданности и боли «шакал» взвыл, а батюшка уверенно произнес: «Вот так! Пошел вон!».

С этого дня в их барак ворье заходило все реже. Вскоре начальству стало известно, что заключенный Пономарев видит. Через пару дней его перевели в другой барак. Потрясение, пережитое им, укрепило его веру и усилило пламенные молитвы к Богу.

Обеты, данные отцом Григорием Господу, при встрече с матушкой Ниной были приняты ею как должное. Ведь они были плоть едина. *«Так что они уже не двое, но одна плоть. Итак, что Бог сочетал, того человек да не разлучает» (Мф. 19; 6)*.

Малиновая поляна

…Яко исчезает дым, да исчезнут; яко тает воск от лица огня, тако да погибнут беси от лица любящих Бога, и знаменующихся крестным знамением…

Молитва Честному Кресту

На третьем году после освобождения, еще оставаясь жить на Севере, отец Григорий испытал сильнейшее потрясение.

Отбыв десятилетний срок заключения и получив все документы об освобождении, он уже третий год подряд пытался выбраться на материк, что возможно было сделать только самолетом.

Пассажирских рейсов с Колымы в те годы просто не было, и гражданское население при острой необходимости вылететь прибегало к самым различным способам: платили большие деньги, чтобы вылететь с почтовым самолетом, находили какие-то особые пути к начальству Дальстроя, чтобы в качестве сотрудников строительства их взяли на самолет, и т. д. За билеты переплачивали, как правило, вдвое, а то и втрое… Конечно, в подобных эстремальных ситуациях люди часто сталкивались с обманом, жульничеством, аферами.

Отец Григорий, три года проработав вольнонаемным рабочим Дальстроя, отказывал себе буквально во всем, чтобы скопить необходимую сумму для покупки билета на самолет. Он вручил эти деньги одному из своих знакомых, который твердо обещал помочь в приобретении билета на материк. Вылет должен был состояться со дня на день, но совершенно внезапно все изменилось и отец Григорий с ужасом узнал, что его обманули. Жестоко, бесчеловечно.

Человека, взявшего деньги, перевели на другое место работы, и больше он не вернулся не только в поселок, но и в Магаданский край.

Потрясение было тяжелейшим. «Сорвалась» столь близкая, как батюшка думал, свобода. Возвращение домой и встреча с родными и близкими казались невозможными. Кроме того, его фактически обобрали до нитки. Все надо было начинать сначала, но где уверенность, что его не обманут вновь? Тяжелая, беспросветная тоска навалилась на отца Григория. Хорошо, что он ничего не написал Ниночке и родным о своем предполагаемом возвращении в Нижний Тагил. Какую боль испытали бы они!

Со своей неизбывной тоской и приступами уныния он боролся, как мог. Но даже молитва, всегда спасающая, часто замирала на его губах, а душу разрывала непереносимая боль.

Чувство апатии, безразличия ко всему стало часто посещать отца Григория. У него начались ноющие боли в сердце, не прекращающиеся ни днем, ни ночью. Физические силы таяли с каждым днем. Свои переживания он ничем не мог приглушить – даже молитвой. Он, конечно, понимал, что уныние – результат испытанного стресса и способ борьбы с этой немощью только один – положиться на волю Божию, молиться и терпеливо ждать новой возможности перебраться на материк…

Совершенно неожиданный срыв планов его отъезда и крушение надежд словно что-то надломили внутри – слишком трепетны были ожидания и непереносимо тяжелым оказался обрушившийся удар. Отец Григорий измучился, исстрадался за годы, проведенные на чужбине, устал душевно. Более десяти лет он не был в храме, не молился на церковных службах, не причащался… Внутренне он, конечно, не переставал молиться, но и молитва, ослабевшая в борьбе с унынием, не приносила духовной радости.

Отец Григорий вступил в тяжелую, смертельную борьбу с состоянием полной человеческой обреченности. Чувство оставленности и нежелание смириться со своим положением подавляли его с каждым днем все более и более. Это был один из самых мучительных периодов в его жизни.

Продолжавшему трудиться в Дальстрое десятником, отцу Григорию по роду своей деятельности приходилось много передвигаться: чаще всего на транспорте, а иногда и пешком. В тот памятный день он, догоняя свою бригаду, шел из строительного управления, имея на руках новый, несколько измененный план работ, – шел, невольно предаваясь своим тоскливым мыслям, которые никак не мог заглушить даже постоянно творимой молитвой. Местность, по которой шел отец Григорий, была давно ему знакома, так как земли эти были частично освоены Дальстроем, и он профессионально ориентировался по легко запоминающимся приметам. Вот характерно растущее дерево, «скрюченное в три погибели», куча недавно завезенного щебня, затушенный костер. Далее виднеется крыша тягача, который на прошлой неделе сошел с основной, простолбленной геологами тропы и теперь безнадежно продолжает уходить в бездонную тундровую топь.

Глядя вперед, отец Григорий обратил вдруг внимание на поляну, раскинувшуюся рядом с тропой. Ранее он почему-то не приметил её, хотя она довольно странно выделялась на фоне чахлой северной растительности своей удивительной красотой, пышностью деревьев, кустарника и травы. Да и кусты на этой поляне были совсем не северные. Батюшка словно попал на родной Урал. Приглядевшись, он удивленно вскинул брови: мелкий, низкорослый ольховник уступал тут место молоденьким сосенкам, которые кружили в своем хороводе вокруг поляны. А меж ними – невозможно поверить! – заросли малины. Настоящей лесной малины со щемяще-сладким запахом и с жужжащими над малинником пчелами.

Так может благоухать только малинник, застоявшийся на солнцепеке где-нибудь в невьянском или тагильском лесу, – а его медово-малиновый аромат кружит голову, пьянит… В глазах – краснó от обилия сочных ягод, готовых вот-вот упасть в ладошку. И даже мотыльки – как привет с далекой Родины, как утешение…

При всей осторожности и правиле «не есть ничего незнакомого», выработанным годами, в голове отца Григория понеслись мысли: «Но малину-то! Да с чем ее спутаешь? Ах, какая сладкая, дивная, ароматная! Тает во рту». И как он не видел эту поляну раньше?

Сейчас он еще чуть-чуть поест этих дивных ягод, и надо сказать своим ребятам: пусть идут, порадуются – ее тут немерено, на всех хватит. Состояние – как в детстве. Даже голова закружилась и, кажется, немного заболела. «Мама всегда говорила, что много малины есть нельзя, “а то голова заболит”!»

Увлеченный этим лесным чудом, отец Григорий даже не заметил, что малиновые кусты теснятся как бы на пригорках, а вокруг них – низинки, в которых почему-то скопилась вода. Ноги он давно промочил – «Ну, да не беда. Лето ведь! Высохнут».

Наконец оторвавшись от ягод, отец Григорий решил уже выходить на тропу, тем более что… Он вдруг почувствовал что-то странное: «Малина ведь не растет на болотах», а он давно уже бродит, перебираясь от куста к кусту, по вязко-липкой земле. Малина любит сухие земли, растет в лесу даже на каменистых почвах, а тут? Он посмотрел вперед – одна болотная хлябь с торчащей осокой, зеленой ряской и изумрудно-зеленой травой, под которой (даже думать нечего) – болото.

Болото немереной глубины. «Все. Ухожу».

И в это время – крик. Истошный женский крик:

– Спасите! Тону!

Из-за кустов ольховника, торчащих рядом, ничего не видно. Инстинктивно отец Григорий бросается вперед, делая несколько быстрых шагов, и… сразу же проваливается по колено. Он проваливается не просто в воду, а в самое настоящее болото. Это он понял только тогда, когда почувствовал, что обе ноги начало засасывать в зыбкую топь. А метрах в пяти от него застряла в болотной хляби женщина.

«Молодая. Откуда ей тут взяться?» – пронеслось в голове. Глаза женщины – безумны, она уже по грудь в тине. Увидев отца Григория, закричала еще отчаяннее. Она барахтается в болоте, пытаясь выбраться, но каждое движение все сильнее засасывает ее в пучину.

Жуткое зрелище.

Конечно, отец Григорий спешит на помощь. Он обламывает длинную гибкую ветку растущего рядом ольховника и, держась за один конец, протягивает второй женщине. «Несчастная» цепко хватается за ветку и с поразившей батюшку неженской силой тянет второй конец на себя, резко увлекая этим движением отца Григория вперед. Отец Григорий, прикладывая неимоверные усилия, крепко удерживает свой конец ветки, пытаясь помочь женщине. И вдруг она резко отбрасывает «спасительную» ветку, а отец Григорий чувствует, что под его ногами, уже схваченными болотом, что-то хрустнуло и он проваливается еще глубже.

Сверкнув белозубой улыбкой, столь неуместной в этот момент, женщина, вперив в отца Григория огненно-зеленые глаза, с жутким смехом уходит в болото с головой, не делая никаких попыток сопротивления.

Диавольское наваждение.

Из ближайшего ольховника раздаются вопли, хохот, визги… Шипящий шелест ползет, стелется по болоту. Кажется, он исходит ото всех кустов и травинок:

– Он – наш!-ш!-ш! Теперь уж точно наш!

Отец Григорий понимает, что он погибает. В голове пролетает вся жизнь: родители, Ниночка, малышка. И вдруг со страшной запоздалой предсмертной ясностью он сознает, что его победил грех уныния.

Он ослабил молитву и обречен. «Это – конец».

Еще несколько движений (скорее, интуитивных, неосознанных попыток высвободиться) только усугубляют положение, затягивая его все глубже. Отец Григорий в состоянии крайнего

предсмертного отчаяния (благо руки его свободны, да и тело пока меньше чем на половину ушло в болото) – крестится…

Крестится, почти не переставая.

Он начинает творить Иисусову молитву, которая в момент жуткого испуга – появления и исчезновения в болоте зеленоглазой дьяволицы – как бы застыла в голове.

– Господи! Прости меня, грешного! Прости за уныние, за скорбь, за тоску! Ослабил надежду, ослабил веру в Твой промысел. Не смирился. Не принял крест Твой. Прости. Пусть все будет по воле Твоей, если заслужил. Но Ты, Всемогущий и Милостивый, ведаешь все наши немощи душевные. Господи, не допусти страшной кончины! Я виноват! Прости и помоги! Я ушел в свою печаль и не понял сегодня, что и поляна, и малина – прелесть дьявольская. Страшная прелесть, от которой я себя не уберег. И ягоды в рот потянул, не перекрестившись… Господи, прости и не погуби! – молился отец Григорий так, как давно не молился, уйдя в печаль и уныние. – Пресвятая Богородица, защити неразумного раба Своего! Святителю отче Николае, помоги-и-и…

Он замер в молитве, понимая, что его может спасти только вера. Вера в Спасителя и молитва Ему. Отчаянная молитва-вопль. Он читал Ииусову молитву, 90-й псалом и не переставая осенял себя крестным знамением.

Он был весь в молитве, перестав даже думать о себе. Он был на кресте.

Через какое-то время неожиданно под ногой, только что увязающей в болотной трясине, он почувствовал корень какого-то растения – это было что-то плотное, на что можно опереться. С невероятным трудом он укрепился обеими ногами на твердом корне, но корень под его весом начал уходить вниз.

– Господи! Не оставляй меня…

И тут деревце, на чьи корни оперся ногами батюшка, склонилось и легло прямо перед ним. Не переставая творить Иисусову молитву, он ухватился за него руками, почувствовав опору в ветвях, раскинутых на поверхности. Попытался лечь на распластанные ветви, с великой осторожностью отрываясь от спасительного корня и высвобождая ноги, хотя бы частично. Не оставляя молитву, он, осторожно передвигая ногами, почувствовал еще один корень, повыше. Оперевшись на этот корень, он увидел, что еще одно деревце, больше и крепче первого, медленно согнулось и… легло рядом. Батюшка осторожно перекатился на него и, окончательно вытаскивая ноги, уже без сапог, прополз по стволу дерева. Видя перед собой большую, крепкую кочку, он добрался до нее и только тогда, почувствовав более крепкую опору, смог сесть. Из глаз его лились покаянные и благодарные слезы.

Следующая кочка была на расстоянии большого прыжка. Конечно, в обычном состоянии на такой прыжок у него не хватило бы ни ловкости, ни сил. Однако когда душа пламенно взывает ко Господу, то все получается по молитве и вере.

Отец Григорий, собрав остаток сил, допрыгнул до следующего зыбкого островка. Правда, чуть снова не соскользнул в болотную топь, но успел ухватиться за ствол рядом стоявшего кустарника. Устоял. Перекрестился. Перевел дух.

А далее он увидел какое-то подобие тропы, по которой с великой осторожностью выбрался к тому месту, откуда и начал свой путь в диавольские топи. Это и было началом злополучной поляны, заворожившей отца Григория своей малиновой красотой.

Малиновая поляна – демонская ловушка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.